

АНДРЕЙ ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ

ВЛАДИМИРСКИЕ
И ВЛАДИМИРО-МОСКОВСКИЕ

ВЕЛИКИЕ И УДЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ СЕВЕРНОЙ РУСИ
В ТАТАРСКИЙ ПЕРИОД

1238

1505

Б И О Г Р А Ф И Ч Е С К И Е
О Ч Е Р К И

Андрей Васильевич Экземплярский Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48013132

Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. 1 / Андрей Васильевич Экземплярский: Центрполиграф; Москва; 2019 ISBN 978-5-227-07879-7

Аннотация

Андрей Васильевич Экземплярский – русский историк, успешно окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Еще в студенческие годы под руководством К.Н. Бестужева-Рюмина работал с польскими источниками по истории Смутного времени. Был преподавателем в гимназиях Польши, в Екатеринбурге и Перми. Принимал участие в работе над Энциклопедическим словарем Брокгауза и

Евфрона. Исследование «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период» – авторитетнейший источник о жизни и деятельности русских князей периода феодальной раздробленности. В книге приведены биографии великих князей Владимирских и Владимиро-Московских, живших и действовавших в татарский период русской истории.

Содержание

Предисловие	8
Великое княжество Владимирское	15
Ярослав Всеволодович	26
Святослав Всеволодович	41
Михаил Ярославин Храбрый	47
Андрей Ярославин	48
Александр Ярославич Невский	52
Ярослав Ярославин	66
Василий Ярославич	67
Димитрий Александрович Переяславский	73
Андрей Александрович Городецкий	84
Михаил Ярославин Тверской	90
Юрий Данилович Московский	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

**Андрей Экземплярский
Великие князья
Владимирские и
Владимиристо-Московские.
Великие и удельные князья
Северной Руси в татарский
период с 1238 по 1505 г.
Биографические очерки
по первоисточникам
и главнейшим
пособиям. Том 1**

*Господа отцы и братья! оже ся где боудоу
описал, или переписал, или не дописал, читите,
исправливая Бога дела, а не клените, занеже книги
ветшаны, а оум молод не дошел.
Лаврентьевская летопись*

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

Предисловие

Цель настоящего труда – дать занимающимся русской историей справочную книгу для одного из самых важных и любопытных, но едва ли можно сказать, вполне исследованных и обработанных периодов русской истории, периода татарского.

Старая жизнь южной удельно-вечевой Руси перенесена на север, так сказать, только в обломках, в хилом состоянии, а потому и не могла держаться там крепко. На севере появился новый тип князя, который сознательно начал стремиться к единовластию; народное вече здесь имеет уже случайный характер простой народной сходки, а уделы развиваются до самостоятельных княжеств с преемственной властью в одной семье. Между-княжеские отношения на севере хотя и становятся более определенными и устойчивыми, но так как прежние, южнорусские понятия о великокняжеской власти и правах на великокняжеский стол здесь сильно изменяются: утверждается престолонаследие по праву первородства в нисходящей линии, то отношения между князьями сильно перепутываются, столкновение новых понятий со старыми, а следовательно, одних княжеских родов с другими, становится неизбежным. Ко всему этому появляется новый участник в истории Руси в лице татар, имевший громадное влияние как вообще на жизнь русского народа, так и на междукняже-

ские отношения в частности. При скудости летописных известий, при их краткости и только, так сказать, намеках на то, что было ясно для современников и что теперь представляется темным для нас, здесь представляется обширное поле для самых мелких исследований по всем вспомогательным для истории наукам: хронологии, генеалогии, географии и пр. В самом деле для уяснения себе событий той эпохи необходимо разобратся как в отношениях князей друг к другу, так и в отношениях их к народу и, наконец, к татарам. Здесь на каждом шагу приходится встречаться с такими проблемами в хронологии, генеалогии и пр., которые требуют отдельных, хотя часто и мелких исследований. Количество последних для занимающей нас эпохи – весьма ограниченное, и большая часть их касается общих вопросов. Но чтобы ближе ознакомиться с известной эпохой, чтобы хоть до некоторой степени влезть, так сказать, в шкуру человека той эпохи – да простят мне такое выражение! – и смотреть на события его глазами, оценивать факты его меркой, а потом уже прикладывать к ним мерку XIX столетия, – требуется ряд мелких и крупных исследований по всем вспомогательным для истории наукам, как хронология, география и пр. Эпоха, которой касается наш труд, требует именно таких мелких, кропотливых исследований. Всякое поэтому пособие, мало-мальски удовлетворяющее своему назначению, должно быть желательным и считаться полезным.

Настоящий труд дает справочную книгу только для татар-

ского периода русской истории. В русской исторической литературе уже давно высказывалась необходимость в подобной справочной книге: еще в начале нынешнего (XIX. – *Ред.*) столетия П. Строев в примечании к одной из своих исторических статей (если не изменяет память, в «Сыне Отечества» за 1815 г. в статье «Родословный чертеж» и пр.) заявлял, что намерен издать словарь владетельных русских князей, но это его намерение не осуществилось; покойный Погодин дал справочную статью (в «Исследованиях, замечаниях и лекциях по русской истории»), касающуюся удельных князей дотатарского периода. Затем подобных попыток мы не встречаем уже до последнего времени. В 1870 г. покойный М.Д. Хмыров напечатал в «Календаре для всех» «Алфавитно-справочный перечень государей русских и замечательнейших особ их крови», а в следующем, 1871 г. в том же календаре поместил «Перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых» (половина 1-я, на буквы А – И). Эти перечни тогда же вышли и отдельными оттисками. Труд М.П. Погодина представляет дословные погодные выписки из летописей, касающиеся того или другого князя; что же касается труда М.Д. Хмырова, то и он в общих чертах схож с трудом Погодина: в хронологическом порядке, кратко передаются факты о каждом князе со дня его рождения до смерти. Труд Хмырова – труд, без сомнения, почтенный, но далеко не удовлетворительный в смысле научном: при краткой хронологической передаче фактов, как отдель-

ных, ни с чем не связанных явлений из жизни того или другого князя, лицо оказывается пред читателем без всякой исторической обстановки, и потому кажется как бы не имеющим под собой почвы; затем, отсутствие указаний на источники лишает его научной ценности; наконец, перечень переполнен ошибками, противоречиями и недосмотрами, которых часто с первого раза невозможно заметить. Приведем, для примера, несколько ошибок из этого перечня. В Воскресенской летописи под 1364 г. сказано, что умерла княгиня Александра «Иванова Ивановича» (великого князя Ивана II), т. е. Александра, жена Ивана Ивановича. Вероятно, у Хмырова жена великого князя Ивана Ивановича Александра (№ 8), известная нам только по имени, и названа Ивановой на основании этого неверно понятого известия летописи. Как в разных летописях одно и то же событие имеет разные даты, так и у Хмырова в разных местах оно имеет также разные даты. Таких и тому подобных ошибок и недосмотров в «Перечне» чрезвычайно много, почему мы и не будем указывать на них, тем более что такие указания будут встречаться в примечаниях к настоящему труду; но не можем не привести одного, более разительного промаха. Женой Глеба Васильковича, первого удельного князя Белозерского, в одном месте (№ 605) Хмыров считает Федору, дочь Сартака; в другом месте (№ 165) женой Глеба он считает Федору же, но дочь Романа Мстиславича Галицкого, и эту же последнюю, в третьем месте (№ 562), считает (как и следует) женой

старшего из двух сыновей Владимира Ярославича Галицкого (сына Ярослава Осмомысла). Ошибки, подобные приведенным, встречаются и в более серьезных трудах, но о них будут встречаться заметки в наших примечаниях.

Мы указываем на приведенные ошибки никак не для того, чтобы выставить в более выгодном свете свой труд, – напротив, нисколько не обольщаясь насчет своих сил и знаний, мы намеренно указывали на приведенные ошибки, чтобы показать, как легко можно делать промахи в подобных нашей кропотливых работах даже людям, продолжительное время трудившимся на поприще отечественной истории. Таким образом, – сознаемся откровенно, – указаниями на промахи мы скорее косвенно извиняем себя за могущие встретиться и в нашем труде подобные же промахи и ошибки.

Настоящий труд разделен на две части и потому разбит на два тома: в первом томе помещены биографии великих князей Владимирских и Владимиро-Московских, живших и действовавших в татарский период русской истории, – а во втором томе будут размещены по княжествам биографии удельных владетельных князей владимирских и московских уделов и великих князей Тверских, Суздальско-Нижегородских и Рязанских.

Предоставляя судить о достоинствах и недостатках нашего труда компетентным людям, в заключение считаем необходимым сказать несколько слов о внешней, технической стороне нашего труда.

Мы придерживались при передаче фактов из жизни того или другого князя хронологического порядка, как более удобного для справочной книги, и этим обстоятельством объясняется нередко повторяющееся в настоящем труде явление – искусственные переходы от одних событий к другим, годы мы не переводили из одного летосчисления в другое, из мартовского в сентябрьское, что, по нашему мнению, пока еще невозможно делать: в разных летописях одни и те же факты одного и того же года следуют один за другим часто не в одинаковом порядке, и притом одни с месячными датами, другие без этих последних; таким образом, не установив правильно порядка, в каком следовали факты один за другим, мы рисковали бы поставить их в неправильные отношения один к другому. Некоторые источники и пособия цитировались нами с сокращениями их оглавлений; сокращения эти, впрочем, понятны, исключая разве тех, которые представляют из себя одни инициалы; но сюда относятся только два источника: Полное собрание русских летописей и Собрание государственных грамот и договоров (в сокращении: ПСРЛ и СГГД); история С.М. Соловьева цитировалась по второму изданию, а Карамзина – по изданию Эйнерлинга; «Алфавитно-справочный перечень» М.Д. Хмырова цитировался большей частью только посредством указания на номер, под которым находится то или другое лицо.

Еще раз в заключение повторим, что кропотливые труды, подобные настоящему, редко обходятся без промахов и оши-

бок. Не сомневаясь, что и в нашем труде найдутся промахи, мы, сознавая неизбежность их, тем не менее ничего не будем говорить в свое оправдание; повторим только слова, поставленные эпиграфом к настоящему труду: «Господа отцы и братья! оже ся где боудоу описал, или переписал, или не дописал, чтите, исправливая Бога дела, а не клените, занеже книги ветшаны, а оум молод не дошел».

Андрей Экземплярский

Санкт-Петербург. Август 1889 г.

Великое княжество Владимирское

В русской исторической литературе уже давно установилось мнение о том, что города Северо-Восточной Руси обязаны своим возникновением по преимуществу Юрию Долгорукому; этим, хотя и косвенно, сын Мономаха становился главным виновником заселения края. Действительно, летописи указывают на многие города, поставленные Юрием. Но почти исключительно Юрию Долгорукому приписывать возникновение городов в Северо-Восточной Руси не совсем справедливо. Мы знаем, что еще до Юрия в Северо-Восточной Руси были уже города со славянскими названиями и славянскими обитателями. Таковы Суздаль и древнейший из городов Ростов. Белозерска до призвания князей и при первых князьях, может быть, и не было, но славянское население на Белоозере было, на что указывает самое название озера.

Таким образом, дело колонизации Северо-Восточной Руси было делом не князей, а самого народа; князья были только продолжателями этой колонизации. Но и при князьях, даже в позднейший период, при царях, народ продолжал свое дело: стоит только припомнить историю присоединения Сибири, чтобы убедиться в этом. Когда князья пришли в верховья Волжского бассейна, они нашли здесь уже крепко осевшее славянское население. Но это население, сравнительно с окружающими его со всех сторон финскими племенами,

представляло, так сказать, небольшие островки в громадном море. Не надо далеко ходить, чтобы убедиться в этом последнем: достаточно одного беглого взгляда на этнографическую карту Древней Руси...

Благодаря духовному превосходству своей природы сравнительно малочисленное население помянутых островков не только не было затоплено волнами финского моря, но и утишило и покорило эти волны, шаг за шагом делая приращения к своим островкам. Славянские колонизаторы до того сумели приблизить инородцев к своим интересам, что последние принимают участие в призвании князей. Существует мнение, что под финскими племенами, участвовавшими в этом важном акте жизни русских славян, следует понимать славянских колонистов, живших среди инородцев. Едва ли это мнение вполне справедливо. Не говоря уже о том, что летописец определенно и положительно говорит об этом предмете, некоторые соображения, логически вытекающие из внимательного рассмотрения обстоятельств этого важного дела, заставляют признать участие финского элемента в призвании князей не подлежащим сомнению.

Сравнительно ничтожное количество славянских поселенцев крепко оседает среди многочисленного финского племени. Будь последнее выше по культурному развитию, славянские поселенцы, несомненно, были бы поглощены им. А между тем мы видим совершенно обратное явление, которое становится более очевидным для нас тогда, когда сла-

вян в их поступательном движении застаёт история, другими словами, когда явились князья, а потом — летописцы, обращавшие большее внимание на деяния князей, чем народа. Вот почему дело колонизации Северо-Восточной Руси несправедливо приписывается иногда исключительно первым князьям.

Деятельность этих последних направлена была по преимуществу к сплочению, к объединению славянских племен. А если ближайшие преемники первых князей, начиная с IX в., заходили далеко и занимали земли за границей поселений главной массы славянства с необыкновенной легкостью, то легкость этих приобретений, особенно на северо-востоке, нужно объяснять исключительно тем обстоятельством, что князья являлись в места, уже колонизированные славянским племенем, в места, так сказать, уже насиженные последним. Мы знаем по летописям, что ещё при Вещем Олеге многочисленное финское племя меря было известно под своим собственным именем; под этим именем оно принимало участие в походе Олега на Константинополь в 907 г. Но после этого похода мы уже не встречаем известий о мерянах как особом народе. Неужели, как некоторые думают, меря куда-то ушла, столько времени живя на одном месте, или, как полагает Ходаковский, племя это было племя славянское, легко утратившее свою частную кличку в общей массе русских славян? С мнением первых излишне, кажется, спорить: исчезновение многочисленного племени посредством

темного переселения в темные края, так сказать, на глазах истории не могло кануть в неизвестность; думать же о том, что меря было племя славянское, значит совсем отвергать те источники, в которых сохранились этнографические известия о первобытных обитателях Северо-Восточной Европы, а на основании этих источников только и возможно опираться при разнообразных суждениях и мнениях о древнейшей истории Руси. Кроме этого, нельзя терять из виду и того обстоятельства, что названия рек и многих урочищ Северо-Восточной Руси носят исключительно финские названия, а обозначение таких предметов, как реки и урочища, под теми или другими частными названиями всего скорее должно принадлежать первым насельникам края.

Ближе к истине будет предположение, что мерянское племя от более или менее продолжительного сожителства со славянскими колонистами, благодаря духовному превосходству последних, подчинилось им и духовно и материально, а потом, вследствие смешанных браков и других обстоятельств, и ассимилировалось им. Антропология, в частности, и вообще археология, сделавшие в последнее время значительные успехи в своем развитии, хотя и не вполне обстоятельно, но тем не менее верно указывают на племенную смешанность населения Северной Руси, основываясь на раскопках могил или курганов, на найденных в них предметах: черепках, утвари и т. и.

В этом смысле можно, пожалуй, признать и взгляд извест-

ного Духинского на этнографию Северной России, или Великодержавии. В самом деле, разве только в сказках можно встретить такие быстрые превращения, как ассимиляция одних племен другими. Как могло совершиться так легко занятие северных русских земель киевскими князьями в самый ранний период существования княжеской Руси? Очевидно, почва подготовлена была еще до князей самим народом, который и при князьях продолжал дело колонизации. Князья, и то не самые первые, были только продолжателями этого народного стремления: они являлись, как выше замечено, на места уже насиженные, ставили города, заводили поселения, а существовавшие до них поселения расширяли и обращали в города.

До возвышения Владимира и до образования Владимирского великого княжества в землях северной части Волжского бассейна сидели первоначально княжие мужи. Но с конца X в. в качестве представителей великокняжеской власти мы видим там уже князей, большей частью великокняжеских сыновей. В 988 г. Владимир Святой посадил в Ростове старшего сына своего Ярослава, а с переходом этого последнего в Новгород там сел другой сын Владимира, Борис. Затем Ростов вместе с Суздалем и Белоозером перешли в руки Всеволода Ярославича и сделались наследственными в его роде. Доставшись Юрию Владимировичу Долгорукому, Ростовско-Суздальская область сделалась самостоятельным княжеством, получившим название Суздальского по исклю-

чительному пребыванию в Суздале первого самостоятельно-го князя этой области. Но Юрий Долгорукий хотя и много положил труда для развития гражданской жизни в крае, тем не менее взоры его постоянно устремлены были на южную, Киевскую Русь. В 1149 г. он занял Киев, но ненадолго. Наконец, по смерти Изяслава Мстиславича, в 1155 г. он окончательно занял великокняжеский стол и роздал уделы сыновьям своим. Андрей Юрьевич (Боголюбский), получивший в удел Вышгород, в том же 1155 г. тайно от отца ушел в Суздальскую землю, где по смерти Юрия (умер в 1157 г.) ростовцы и суздальцы выбрали его в князья «и посадиша и в Ростове на отни столе и Суздали»¹. Спустя лет пять после этого (в 1162 г.), выгнав из Ростовско-Суздальской области братьев своих и двоих племянников, детей умершего Ростислава Юрьевича, Андрей сделался единовластителем области, а в 1169 г. по взятии его войсками Киева он посадил в последнем брата своего Глеба в качестве удельного князя. Но Глеб, как и преемники его, во многом зависели от Андрея, который, таким образом, становится истинным великим князем Руси.

С Андрея Боголюбского столицей Ростовско-Суздальской области становится едва заметный до того времени Владимир, которому это первенство досталось, конечно, не без борьбы: Ростов не хотел уступить первенства своему пригороду и взял временный перевес, посадив у себя и в Суздале племянников Андрея, Ярополка и Мстислава Ростисла-

вичей, которые потом должны были уступить первенство дядьям своим, Михалке и Всеволоду Юрьевичам, а вместе с тем и Ростов уступил Владимиру. Таким образом князья Ростовско-Суздальской области получают название вместо суздальских князей – великих князей Владимирских.

Относительно основателя, а следовательно, и времени основания города Владимира, летописи разноречат, а за ними почти до последнего времени разноречили и наши историки. Заметим, что известия о времени основания Владимира мы встречаем преимущественно в позднейших летописях. Одни из этих летописей считают основателем новой столицы Ростовско-Суздальской земли Владимира Святого, а другие – Владимира Мономаха. Никоновская летопись² под 992 г. говорит, что Владимир Святой с двумя епископами константинопольского патриарха Фотия (при Владимире такого не было) ходил в Суздальскую землю, крестил там народ, поставил город «в свое имя Володимер» на р. Клязьме и в нем церковь во имя Пресвятой Богородицы.

То же находим и в Степенной книге, а автор Синописа, «сей невежда», как совершенно справедливо называет его наш историограф³, прибавляет к этому, основываясь на Стриковском, что Владимир с того времени сделался столицей великих князей. В Патерике, в житии Стефана, игумена Печерского, положительно сказано, что город Владимир поставлен именно Владимиром Святым, а Татищев указывает и год построения – 992-й, чего не находим в летопи-

сях⁴. Под 1160 г. в Никоновской летописи говорится, что Андрей Боголюбский, созвав князей (?) и бояр, держал к ним речь, в которой выражал желание сделать Владимир столицей княжества, причем об этой будущей столице выразился так: «Град сей Владимир созда святой и блаженный великий князь, просветивый всю Русскую землю святым крещением». По Ипатьевской летописи⁵ основание Владимира относится к более раннему времени – к 990 г., а по Софийской первой⁶ – к еще более раннему времени, к 987 г. В Лаврентьевской летописи⁷ под 1176 г., где говорится о распре владимирцев с ростовцами из-за первенства, о городе Владимире замечено: «Постави бо преже град ось великий Володимер и потом князь Андрей». Здесь, однако, под Владимиром Великим, по верному замечанию Карамзина⁸, надобно разумеать Владимира Всеволодовича, т. е. Мономаха, а не Святославича, который в летописях называется обыкновенно не Великим, а Святым. Но в более позднейших летописях основание Владимира определенно приписывается Момаху. Так, в Синодальной летописи времен Василия Темного⁹ и многих других новейших сказано: «Мономах, правнук великого князя Владимира, поставил град Володимер Залешский в Суждальской земли и осып его спом [насыпью, валом] и созда первую церковь ев. Спаса за 50 лет до Богородичина ставления», т. е. до закладки или построения Успенского собора. Далее замечено, что Златоверхая (так названа

по вызолоченным куполам) церковь Богоматери совершена в 1166 г.¹⁰ Но в харатейных и других летописях построение Успенской церкви относится к 1160 г.; в 1161 г. она была расписана, а в 1164 г. Андрей Боголюбский внес в нее чудотворную икону Богоматери. Таким образом, если Мономах поставил город и в нем церковь Спаса за 50 лет до основания Успенской церкви, то основание Владимира надобно будет отнести или к 1110, или к 1114, или, наконец, к 1116 г. Во всяком случае, по указанным известиям, основание Владимира надобно относить к периоду времени от 1110 до 1116 г. Несомненно, Владимир основан не в X в., как то утверждали в свое время Татищев, Щербатов и другие, а в XII в. Если бы Владимир основан был в X в., то летописцы при описании совершавшихся в области р. Клязьмы событий до XII в. непременно упомянули бы об этом городе. Так, в Воскресенской летописи под 1096 г. говорится, что Олег Святославич из Мурома, который он отнял у Мономахова сына Изяслава, хотел напасть на брата Изяславова, Мстислава Новгородского, который был тогда в Суздале и готовился идти к Мурому на Олега. Последний между тем успел добраться до р. Колокши, впадающей в Клязьму немного выше Владимира. Здесь и произошел бой Мстислава с его крестным отцом, Олегом. Нам кажется, что здесь непременно был бы упомянут летописцем по чему бы то ни было город Владимир, если бы он тогда существовал, а между тем этого не сделал летописец.

Итак, с Андрея Боголюбского Владимир становится

стольным городом Великого княжества Владимирского. Но с первой половины XIV в., когда великокняжеское достоинство навсегда утвердилось за князьями Московскими, за родом Ивана Даниловича Калиты, Владимир начинает уступать свое первенство Москве: он считается столицей Великого княжества только *de jure*, но *de facto* столицей становится уже Москва. До Василия Темного Владимир, можно сказать, был в таком же отношении к Москве, в каком с Петра Великого и до последнего времени находится Москва по отношению к Петербургу. Великие князья из рода Ивана Даниловича Калиты по-прежнему назывались великими князьями Владимирскими и возводились на великокняжеский стол во Владимире. Но уже при Калите кафедра митрополита – одно из самых важных преимуществ столицы – была перенесена в Москву, а в 1432 г. Владимир потерял и то остававшееся за ним преимущество, которое напоминало о нем как о столице: выиграв в упомянутом году свое дело в Орде в споре с дядей своим, Юрием Галицким, Василий прибыл в Москву с царевичем Мансырь-Уланом, который посадил его на великокняжеский стол в Москве же, в храме Богоматери у Златых врат.

По убиении Андрея Боголюбского в споре Ростова с Владимиром о первенстве¹¹ и Ростиславичей, внуков Долгорукого, с дядьями их, Михалком и Всеволодом Юрьевичами, верх взяли последние и город Владимир. Михалко княжил только год (умер в 1176 г.). По смерти его Владимир занял

брат его Всеволод (Большое Гнездо), и опять началась борьба старшего Ростова с младшим Владимиром, окончившаяся в пользу последнего. По смерти Всеволода борьба его сыновей, Константина и Юрия¹², окончилась в пользу первого, умершего в 1218 г. После Константина Юрий становился уже бесспорным обладателем великокняжеского достоинства. В 1238 г. он пал в битве с татарами на берегу р. Сити, и великокняжеский стол перешел к следующему брату, Ярославу Всеволодовичу, с которого мы и начнем биографические очерки великих князей за татарский период нашей истории.

Ярослав Всеволодович

Род. в 1191 г. – ум. в 1246 г

Ярослав II Всеволодович, четвертый из восьми сыновей Всеволода III Юрьевича, правнук Владимира Мономаха, родился во Владимире 8 февраля 1191 г.¹³ В 1194 г. 27 апреля над ним совершен был обряд пострига (сажание на коня), обряд до некоторой степени рыцарский¹⁴.

В Древней Руси за отсутствием теоретического воспитания княжичей весьма рано старались направить на путь практической деятельности. На это указывает, между прочим, и только что упомянутый обряд постриг, после которого княжич считался как бы уже принадлежащим к семье ратных людей. Княжичей, когда они были еще отроками, посылали на княжение, брали в походы и т. д., но в таких случаях к ним назначались руководители из бояр. Так было и с Ярославом Всеволодовичем. В 1201 г. 3 августа (по другим – 10-го), когда Ярославу было лет семь, Всеволод Юрьевич назначил его князем в южный Переяславль¹⁵. Здесь он сидел до 1206 г. В 1203 г., зимой, он ходил на половцев вместе с киевским князем Рюриком и Романом Галицким, а в 1206 г. принимал участие в делах Галича Червенского¹⁶. В 1205 г. скончался (убит в сражении с поляками) Роман Мстиславич Галицкий, и галичане, хотя и неохотно, присягнули пятилет-

нему сыну его Даниилу. Рюрик Ростиславич, насильно постриженный отцом Даниила в монахи, вышел из монастыря, занял киевский стол и, соединившись с князьями Черниговскими, пошел на Галич. Но благодаря королю венгерскому Андрею союзные войска были изгнаны. В 1206 г. Рюрик, Всеволод Святославич Чермный, князь Черниговский, Мстислав Смоленский, с поляками, берендеями и половцами возобновили поход на Галич. Андрей Венгерский успел было уговорить граждан взять к себе князем Ярослава Всеволодовича, который и «гнал» из Переяславля в Галич, но союзные князья, заняв город, из которого вдова Романа бежала в наследственный свой Владимиро-Волынский удел, на общем совете положили отдать Галич Владимиру Игоревичу, князю Северскому. Ярослав ни с чем возвратился с дороги в свой Переяславль, но и отсюда вскоре выгнан был Всеволодом Чермным¹⁷.

В Южной Руси продолжались смуты; этими смутами пользовались половцы, безнаказанно опустошая земли. Не видя защиты в своих князьях, южнорусский народ возлагал надежды только на великого князя Владимирского. Действительно, в 1207 г. великий князь выступил в поход; на берегу Оки к нему пристали князья Муромские и Рязанские. Все, конечно, уверены были, что поход предпринимается к Киеву, но вышло совершенно другое. Всеволоду донесли, что рязанские князья дружат с Ольговичами Черниговскими и вместе с ними что-то замышляют против него. Незвестно,

насколько справедлив был донос, но Всеволод поверил ему и двинулся к Рязани. Рязанских князей, доверчиво явившихся к нему в ставку, он в оковах отправил во Владимир и подступил к Пронску, жители которого сдались (22 сентября) только вследствие сильного голода; Рязань также покорилась и выдала Всеволоду остальных князей с женами и детьми. Удаляясь во Владимир, великий князь оставил в Рязанском княжестве своих наместников и тиунов, но в 1208 г. прислал туда на княжение сына своего Ярослава, который находился при отце в походе 1207 г. Рязанцы с нескрываемым неудовольствием приняли князя, а потом произвели даже возмущение: коварно перехватывали людей Ярослава и поковали их в цепи, многих живьем засыпали в погребах. Явился Всеволод, сжег Рязань и Белгород и вместе с сыном Ярославом пошел во Владимир, захватив рязанского владыку Арсения и множество рязанцев, которых поселил в своем княжестве¹⁸.

В походе на Рязань участвовали и новгородцы, которых Всеволод после похода одарил и отпустил из Коломны домой, обнадежив их относительно их старинных вольностей, «да им устав старых князь, его же хотяху новгородцы». Но при этом в залог верности он оставил семь человек из знатных новгородцев и посадника Дмитра, тяжело раненного в походе. На прощание великий князь сказал новгородцам: «Кто вы добр, того любите, а злых казните». Новгородцы, узнав о милости великого князя, составили вече на Дмитра, кричали, что он брал на новгородцах серебро, повозы и пр.,

разграбили все имущество посадника, «а что ся на досках осталось в письме [записи за должниками], а то все князю». Отпуская новгородцев, великий князь сына своего Константина оставил при себе, дав ему Ростов, а в Новгород послал другого сына, Святослава, после того, как состоялось вече на посадника, который между тем умер, еще будучи во Владимире. По приезде Святослав получил «доски», по которым собрал громадные деньги, затем целовал крест Новгороду, совместно с которым детей и внуков («племенник») Дмитра отправил к отцу во Владимир. Вскоре после похода на Рязань (в 1209 г.) Мстислав Мстиславич захватил Торжок и предложил себя в князья Новгороду. Всеволоду это сильно не понравилось, и он в том же 1209 г. выслал к Торжку против Мстислава старших сыновей своих, Константина, Юрия и Ярослава, но дело это кончилось примирением сторон¹⁹.

В 1212 г. Всеволод Юрьевич скончался, назначив преемником себе не старшего сына (Константина), не хотевшего брать Владимира без Ростова, а следующего за ним Юрия, и между братьями возгорелась борьба. Юрий два раза ходил к Ростову на Константина, в 1212 и 1213 гг., когда заключен был между ними непрочный мир после боя на р. Ишне под Ростовом. Ярослав в этой борьбе держал сторону Юрия и вместе с ним ходил на старшего брата²⁰.

В 1214 г. новгородцы, у которых не было тогда князя, отправили в Переяславль послов просить Ярослава в Новгород на княжение. Перед тем в Новгороде сидел князь Мсти-

слав Мстиславич Удалой; он по своей воле вышел из Новгорода в Южную Русь, сказав на прощание новгородцам, что они «вольни в князех». В 1215 г. Ярослав пришел в Новгород, где торжественно встречен был архиепископом Антонием и новгородцами. Вскоре по прибытии он приказал схватить новгородского тысяцкого Якуна Зуболомича и новоторжского посадника Фому Доброщинича по наветам врагов их и отправил их в оковах в Тверь (20 мая), а сам со многими знатными новгородцами ушел в Торжок; одарив новгородцев, он отпустил их и, засев в Торжке, прекратил подвоз хлеба в Новгород. Голод сильно давал себя чувствовать, почему новгородцы два раза отправляли к Ярославу послов, приглашая его или идти в Новгород, или очистить Торжок. Но Ярослав продолжал действовать по-прежнему. Наконец 11 февраля в Новгород явился Мстислав Удалой, перехватал бояр, приверженцев Ярослава, схватил Ярославова наместника и всех их заковал, а затем потребовал от Ярослава, чтобы он очистил Торжок. Ярослав в ответ на это требование ловил новгородцев и отправлял их в свои города. «Да не будет Новый Торг Новгородом, ни Новгород Торжком! но где св. София, там Новгород», – сказал Мстислав новгородцам и решился выступить против Ярослава. К последнему пришел на помощь великий князь Юрий, а Константина привлек на свою сторону Мстислав, обещав доставить ему великое княжество. В битве на берегах р. Липиды, близ Юрьева, происшедшей 21 апреля 1216 г., верх взяли Мстислав и Констан-

тин, который и занял великокняжеский стол, Юрию же дал сначала Городец на Волге, а потом – Суздаль²¹.

В 1219 г. болгары напали на Устюг и взяли его. В следующем 1220 г. великий князь Юрий Всеволодович послал на этих хищников брата Святослава с воеводой Еремеем Глебовичем, к которым присоединил свои полки и Ярослав Всеволодович²². Года через два после этого похода мы видим Ярослава в Новгороде. В 1221 г. сын великого князя Всеволод Юрьевич, не ужившись с новгородцами, тайно уехал от них; тогда новгородцы выпросили у Юрия брата его Ярослава. Этот последний прибыл в Новгород в 1222 г. и в том же году ходил с новгородцами на Колывань (Ревель), повоевал всю Чудскую землю, забрал большой полон и множество золота, но города взять не мог²³. Неизвестно, когда Ярослав выехал из Новгорода, но – до 1224 г. Под этим последним годом в летописях находим известие о том, что Всеволод, сын Юрия Всеволодовича, во второй раз тайно выехал из Новгорода с двором своим в Торжок. На этот раз великий князь с намерением наказать новгородцев вместе с братьями прибыл в Торжок и требовал выдачи некоторых из новгородских бояр, которыми был недоволен. Новгородцы, однако, с твердостью заявили великому князю, что братьев своих они не выдадут. После долгих переговоров, по предложению великого князя, они согласились принять к себе Юриева шурина Михаила Всеволодовича, князя Черниговского, который

прибыл в Новгород в 1225 г., но вскоре уехал опять в свой Чернигов. Между тем в том же году на Новгородскую землю сделала набег Литва, грабила селения около Новгорода, Торопца и ниже, по направлению к Полоцку. Ярослав Всеволодович, как говорят летописи, исполнившись жалости, выступил из Переяславля в погоню за литовцами; с ним были князья – братья, Владимир Мстиславич с новоторжцами и Давид с торопчанами; князья послали и за новгородцами, которые, впрочем, от Русы возвратились назад, может быть, потому, что литовцы угнаны были далеко. Объединенные князья догнали беглецов близ Усвята, побили их, взяли у них весь полон и захватили с собой не только многих простых воинов, но и князей. Новгородцы после того обратились к Ярославу и усиленно просили его к себе. Тот явился в Новгород, но не изъявил никакого неудовольствия на то, что новгородцы не преследовали литовцев до конца²⁴.

Зимой 1226 г. Ярослав Всеволодович ходил в южную часть Финляндии на Емь или Ямь, «где, – по замечанию летописи, – ни один от князь русских не возможе бывати, и всю землю их плени». Ему приходилось возвращаться с таким громадным полоном, что он вынужден был многих пленных освободить, а иных убивать. В следующем, 1227 г. он, без всякого насилия с своей стороны, крестил едва не всех корелян, соседей Еми²⁵.

В 1228 г. Емь, желая отмстить новгородцам, вошла в Ладожское озеро. Ярослав выступил против нее с новгородца-

ми. Ладожане, с своим посадником во главе, не дождавшись новгородцев, побили Емь, которая, не получив просимого ею мира, избила весь полон, бросила лодки и бежала в леса. Между тем новгородцы стояли в Неве. Здесь по какому-то случаю они собрали вече, на котором хотели убить какого-то Судимира, но князь скрыл его в своем насаде. После этого новгородцы, не дожидаясь ладожан, возвратились в Новгород. К тому же времени относится распря новгородцев с князем. Ярослав, желая прибрать к своим рукам не хотевших поддаваться ему псковичей, требовал, чтоб новгородцы шли с ним на Псков, но те отказались. Тогда Ярослав вызвал из Переяславля свои полки, с которыми хотел будто бы идти на Ригу. Псковичи воспротивились этому, так как находились в мире с немцами; они говорили, что Ярослав ходил к Колывани, взял там много серебра, а правды не учинил; то же было и с Кесью (Вейден); этим он только раздражил немцев, которые обратились на них, псковичей, и побили их; в заключение псковичи сказали Ярославу и новгородцам, что если они пойдут на Ригу, то псковичи пойдут против них. Новгородцы заявили, что без псковичей и они не пойдут. Вследствие этой неудачи Ярослав с женой своей уехал в Переяславль, оставив в Новгороде сыновей своих, Федора и Александра²⁶.

В то время как все это происходило в Новгородско-Псковской области, великий князь Юрий Всеволодович собирал свои и ростовские полки в поход на мордву; в сентябре 1228 г. войска его были уже за Нижним Новгородом, но про-

ливные дожди заставили его воротить эти войска. В том же году 14 января Юрий сам выступил на мордву; с ним были его племянники, Василько и Всеволод Константиновичи (Ростовский и Ярославский), а также брат его Ярослав. Этот поход был успешнее предыдущего²⁷.

Вскоре после этого похода Ярослав захватил новгородскую волость Волок. В 1229 г. в Новгород пришел из Чернигова князь Михаил Всеволодович, но вскоре уехал домой, оставив в Новгороде сына своего Ростислава, еще младенца. Новгородцы отправили к Ярославу послов с требованием, чтобы он возвратил им Волок; но Ярослав не только не исполнил этого требования, но и послов не отпустил и держал их все лето. Ссорясь с новгородцами, Ярослав рассорился и со старшим братом своим, великим князем Юрием, против которого успел восстановить и племянников, Константиновичей. Причина ссоры передается летописями неясно: «Ярослав Всеволодович, слушая неких льсти... мысляшетъ противитися Юрью брату своему». Но явившись в Суздаль «на снем» (сейм), князья примирились: брат великого князя и племянники их «поклонишася Юрью вси...». 7 сентября они целовали крест друг к другу, а 8-го, в день Рождества Богородицы, праздновали и веселились у епископа Митрофана²⁸.

Между тем Новгород страдал от голода и мора. Народ ждал князя Михаила Всеволодовича, но он не являлся, потому что хотел прежде примириться с Ярославом, который по новгородским делам относился к нему враждебно и грозил

войной. При посредстве киевского князя Владимира Рюриковича враждующие примирились в 1230 г. Но Михаил Черниговский явно нарушал мир. Вскоре по примирении он был на постригах сына в Новгороде, где по его отъезде началось возмущение вследствие вражды посадника Водовика с сыном известного посадника Твердислава; пожары и убийства были весьма часты; многие бежали от свирепого Водовика к Ярославу Всеволодовичу. Наконец, сам Водовик вместе с сыном Михаила Ростиславом выехал из Новгорода в Торжок, вероятно, потому, что прежде других узнал о примирении Михаила с Ярославом. Скоро и новгородцы узнали об этом примирении и вознегодовали на Михаила Всеволодовича: они называли его изменником, а «Ростиславу путь показаша с Торжку к отцеви в Чернигов» и отправили послов в Переяславль просить к себе Ярослава. Водовик уехал с княжичем в Чернигов, куда стали перебираться многие новгородцы, враги Ярослава, которых Михаил, вопреки условиям примирения с Ярославом, принимал свободно. Это обстоятельство возмутило не только Ярослава, но и великого князя Юрия. Братья, вместе с племянниками Константиновичами, выступили в поход на Михаила. Юрий, впрочем, с дороги воротился, а Ярослав и Константиновичи выжгли Серенек, осаждали Масальск и много зла причинили тамошним жителям. Между тем из Чернигова новгородские враги Ярослава начали перебираться на родину; с ними пошел и трубчевский князь Святослав, который, впрочем, с дороги воротил-

ся домой, узнав, что в Новгороде дела идут совершенно не в пользу новгородских выходцев и не так, как о том они говорили. В Пскове новгородцы схватили Вячеслава, Ярославова сторонника и, кажется, бывшего новгородского посадника, били его и заковали. Между тем в самом Новгороде продолжался мятеж, потому что еще не было князя. Но вот явился Ярослав, перехватал находившихся в Новгороде псковичей и отправил их на Городище, а в Псков послал требование о выдаче его мужа. Псковичи, со своей стороны, требовали выдачи их товаров и пр. и только тогда хотели освободить Вячеслава. Ярослав прибег к обычной мере: не пускал в Псков гостей, вследствие чего наступила во всем дороговизна, и поэтому, вероятно, псковичи освободили Вячеслава. И князь отчасти выполнил требования псковичей, но мира с ними не взял. Псковичи кланялись, как передают летописи, князю, просили у него сына Федора; но Ярослав дал им шурина своего Юрия (Мстиславича), который и сел в Пскове²⁹.

В 1233 г. немцы начали беспокоить новгородско-псковские волости. В 1234 г. Ярослав выступил в поход; не доходя до Юрьева (Дери), цели похода, он остановился. Немцы из Юрьева и Медвежьей Головы (Оденце) выступили против русских, но потерпели поражение и примирились с Ярославом. В том же году литовцы напали на Русу, но отбиты были и стали отступать. Ярослав настиг их на Дубровне в Торопецкой волости, отнял у них 300 коней и товар. Литовцы, бросая оружие и щиты, бежали в лес³⁰.

В Южной Руси около того времени шла борьба между князьями из-за Киева и Галича. В 1234 г. Владимир Рюрикович Киевский вел войну с Михаилом Черниговским, но при Торческе был разбит и взят в плен. Киевский стол занял родственник и союзник Михаила, Изяслав Владимирович, князь Северский. Но в 1236 г., освободившись из плена за большой выкуп, Владимир выгнал Изяслава из Киева, но не мог удержать киевского стола за собой: по настоянию Даниила Галицкого и великого князя Владимирского он должен был уступить его Ярославу Всеволодовичу. Ярослав, оставив в Новгороде сына своего Александра, отправился в Киев с лучшими новгородскими мужами, которых, продержав там неделю и одарив, отпустил обратно в Новгород³¹.

Ярославу недолго пришлось сидеть в Киеве. 4 марта 1238 г. на берегу р. Сити произошла известная битва великого князя Владимирского, Юрия Всеволодовича, с татарами, в которой он пал³². На свободный великокняжеский стол по старшинству должен был сесть брат Юрия, Ярослав, который и поспешил теперь из Киева (или из Новгорода) во Владимир, представлявший из себя груды развалин и трупов – следы татарского меча и огня. Первою заботой князя было очищение стольного города от трупов, которыми наполнены были не только улицы, дворы и жилища, но и самые храмы; нужно было собрать и ободрить разбежавшихся от татарского нашествия жителей. Заботясь о приведении в порядок столицы, Ярослав в то же время позаботился и о своих

братьях: Святославу он дал Суздаль, а младшему, Ивану – Стародуб³³; наконец, в следующем 1239 г. распорядился перенесением из Ростова во Владимир тела Юриева, которое встречено было духовенством и народом и – после обычных церковных песнопений – положено в храме (Успенском) Богоматери, где лежал и прах отца его, Всеволода. В том же году литовцы, вероятно пользуясь сумятицей, происходившей в Северо-Восточной Руси, начинают теснить Смоленск. Ярослав Всеволодович предпринял против них поход: победил их, пленил их князя и посадил в Смоленске Всеволода Мстиславича, сына Мстислава Романовича, бывшего великого князя Киевского³⁴.

Мирная деятельность князя потревожена была набегом на Суздальскую землю татар, которые, повоевав Мордовскую землю, пронесли огонь и меч по р. Оке и Клязьме, сожгли Муром и город Святой Богородицы Гороховец и с большим полоном ушли домой. Это было зимой в том же 1239 г.³⁵

В 1240 г. сын Ярослава Александр, не известно из-за чего, поссорился с новгородцами и ушел из Новгорода в Переяславль. Но теснимые немцами новгородцы просили себе у Ярослава князя, и он послал к ним сына Андрея, который, впрочем, не угодил новгородцам; другое новгородское посольство просило Александра, который и отправился опять в Новгород³⁶.

Батый между тем опустошал южнорусские земли и При-

карпатье, откуда повернул с своими полчищами назад и избрал своим местопребыванием низовья Волги, основав здесь город Сарай (Астраханской губ.). Сюда-то должны теперь являться русские князья на поклон к грозному завоевателю. Батый потребовал к себе Ярослава, и последний в 1243 г. отправился в Сарай, послав сына своего Константина в Татарию к великому хану. Батый принял и отпустил Ярослава с честью и дал ему старейшинство во всей Руси³⁷. Года через два (1245 г.) возвратился и Константин также с честью³⁸.

В 1245 г. Ярослав вместе с братьями и племянниками вторично отправился в Орду. Святослав и Иван Всеволодовичи с племянниками воротились в свои отчины, а Ярослава Батый послал на берега Амура к великому хану. Здесь он принял, по замечанию летописца, «много томления», так как против него велась, — судя по некоторым сказаниям, хотя и не совсем ясным, — какая-то интрига, в которой действующими лицами являются боярин Федор Ярунович и сама ханша, которая, под видом угощения, поднесла Ярославу яду. Великий князь поехал от хана уже будучи больным; чрез семь дней, а именно 30 сентября 1246 г., в дороге он скончался, причем тело его сильно посинело, что еще более убеждало современников в том, что он отравлен. Сопровождавшие его бояре привезли тело его во Владимир, где, в Успенском соборе, он и был похоронен³⁹.

Ярослав Всеволодович, в святом крещении Федор, был

женат дважды: 1) на дочери⁴⁰ Юрия Кончаковича, князя половецкого, неизвестной по имени; 2) на Федосье (в иночестве Евфросинии), дочери Мстислава Удалого⁴¹. От первого брака мы не видим у него детей; от второго же у него были сыновья: Федор, Александр, Андрей, Михаил Храбрый, Даниил, Ярослав-Афанасий, Василий, Константин – и две дочери: Мария и другая, неизвестная по имени⁴².

Святослав Всеволодович

Род. в 1196 г. – ум. в 1253 г

По смерти Ярослава Всеволодовича по праву старшинства великокняжеский стол занял следующий за Ярославом брат, Святослав Всеволодович.

Святослав, в святом крещении Гавриил, родился 27 марта 1196 г.⁴³ Мы уже говорили, что в Древней Руси княжичи часто с самых ранних лет выступали на путь практической жизни. Так было и со Святославом. Великий князь Всеволод Юрьевич, господствуя не только в Северо-Восточной Руси, но отчасти и в Южной, хотел господствовать и на северо-востоке, в Новгороде, а потому придумывал средства прибрать последний к своим рукам. Ему наконец удалось так поставить дело, что новгородцы сами обратились к нему за князем. В 1199 г. с великой честью он принял у себя новгородских послов, а в 1200 г. послал в Новгород сына Святослава, «еще млада суща», конечно, окружив его опытными боярами. Святослав отправился в Новгород 12 декабря, а прибыл туда 1 января; за несколько верст от Владимира его провожали братья Константин, Юрий, Ярослав и Владимир⁴⁴. Вскоре возникли какие-то недовольствия между князем и новгородцами, но дело окончилось только тем, что Всеволод послал на место Святослава старшего сына, Константина, ко-

торый сидел там до 1207 г. В этом последнем году Всеволод вызвал его с новгородцами в поход на Рязань. После похода великий князь, хорошо видевший, что неудовольствие на него новгородцев еще не совсем остыло, одарил их, обнадежил в их древних вольностях и отпустил домой, но Константина оставил в земле Суздальской, дав ему Ростов с другими пятью городами, а в 1208 г. к новгородцам опять отпустил Святослава⁴⁵.

В 1209 г. в Новгородскую землю прибыл Мстислав Мстиславич Удалой, занял Торжок и предложил себя в князья Новгороду; новгородцы обрадовались этому князю, сберегателю старых порядков, выработанных в Южной Руси, и заключили Святослава на владычном дворе. Всеволод Юрьевич отправил к Торжку против Мстислава старших сыновей своих, Константина и Ярослава. До кровопролития, однако, дело не дошло: князья примирились, Святослав отпущен был новгородцами, и старшие Всеволодовичи из Твери, куда прибыл и младший брат их из Новгорода, возвратились во Владимир⁴⁶.

В 1212 г. скончался Всеволод Юрьевич, и между старшими братьями, Константином и Юрием, как мы уже видели, разгорелась борьба за обладание великокняжеским столом. Святослав, бывший сначала на стороне Юрия, перешел потом на сторону Константина, но вскоре опять пристал к Юрию, от которого получил Юрьев-Польский в том же 1212 г., а в следующем 1213 г. ходил с Юрием к Ростову на

старшего брата⁴⁷. В борьбе старших братьев своих с Мстиславом Удалым из-за Новгорода (1216 г.), борьбе, окончившейся после Липицкой битвы переходом великокняжеского стола от Юрия к Константину, Святослав также принимал участие, держа сторону Юрия: он осаждал Ржевку, но был отбит от нее малочисленным отрядом Мстислава⁴⁸.

В 1219 г., как уже говорено было в биографии Ярослава Всеволодовича, болгары напали на Устюг и взяли его. Великий князь не хотел оставить безнаказанною дерзость этих хищников, и в 1220 г. послал на них Святослава с воеводой Еремеем Глебовичем, к которым присоединились переяславльские полки Ярослава Всеволодовича и ростовские – Василька Константиновича. Святослав сжег, пониже устья Камы, болгарский город Ошел и так устрасил болгар, что от них было три посольства к великому князю, который после похода Святослава хотел лично предпринять на них еще поход. Юрий Всеволодович так доволен был успехами брата в Болгарской земле, что вышел и встретил победителя близ Боголюбова на р. Сурамле, а во Владимире для него и его сподвижников, которые щедро были одарены, устроил «учреждение велие» (пир), продолжавшееся три дня. Через год после этого похода (в 1222 г.) Юрий Всеволодович послал Святослава на помощь новгородцам, бывшим в неприязненных отношениях с ливонскими рыцарями. Новгородцы с князем пустошили Ливонскую землю по берегам р. Аа,

осаждали г. Кесь (Венден), но взять его не могли⁴⁹.

Года через три с небольшим после этого похода (в 1226 г.) видим Святослава в противоположном конце Северной Руси: великий князь Юрий посылал его и другого брата Ивана (впоследствии князь Стародубский) на Мордву, «и возвратистася с победою»⁵⁰.

Затем, до занятия Святославом великокняжеского стола, мы встречаемся с ним в летописях только три раза. В 1227 г. Юрий Всеволодович послал в русский (южный) Переяславль на княжение племянника, Всеволода Константиновича, князя Ярославского; но Всеволод почему-то в следующем году опять перешел в свой удел, а в Переяславль, на его место, в том же 1228 г. (по другим – 1229 г.) послан был Святослав Всеволодович⁵¹; далее, под 1234 г., летопись⁵² отмечает, что он окончил постройку Георгиевской церкви в Юрьеве-Польском, и, наконец, он упоминается в числе князей, которых Господь спас от меча Батыева в 1238 г.

Есть известия, что Святослав Всеволодович даже участвовал в битве на р. Сити, но известия эти как-то неопределенны и туманны, хотя и принадлежат летописям⁵³.

Итак, наступил злопамятный для Руси 1238 г. В этом году Ярослав Всеволодович, занявший после брата своего Юрия Владимирский великокняжеский стол, наделил младших братьев, Святослава и Ивана, уделами: первому он дал Суздаль, а второму – Стародуб⁵⁴.

Во второе путешествие (в 1246 г.) Ярослава в Орду к Батью, а отсюда на берега Амура к великому хану Гаюку, только что вступавшему на великоханский трон, Святослав, брат его Иван и их племянники князя Ростовские также ездили в Орду. Последние все в том же году возвратились в свои отчины, а Ярослав на обратном пути из Татарии скончался 30 сентября того же года⁵⁵.

По старшинству после Ярослава Всеволодовича должен был занять и занял великокняжеский стол брат его Святослав, который в то же время рассадил по городам и племянников своих, «яко же и брат уряди, Ярослав». Но ему недолго пришлось занимать великокняжеский стол: в 1248 г. его согнал с Владимирского стола племянник его, московский князь Михаил Ярославич Хоробрит (Храбрый), который в том же году пал в битве с литовцами на берегу р. Протвы. Владимирский стол занял другой племянник Святослава, Андрей Ярославич. Святослав вместе с сыном Дмитрием в 1250 г. отправился к хану, который принял его с честью. Конечно, Святослав ходил в Орду хлопотать о возвращении великокняжеского стола, но — хотя и был принят с честью — хлопотал безуспешно: в конце того же года мы видим во Владимире опять Андрея, который тогда же и там же сыграл свадьбу с дочерью Даниила Романовича. Через два года, а именно в 1252 г. 3 февраля, Святослав скончался в Юрьеве-Польском⁵⁶.

Святослав Всеволодович (в святом крещении Гавриил)

был женат на дочери Давида Юрьевича, князя Муромского (по некоторым сказаниям – Евдокии), которая еще при жизни мужа пожелала идти в монастырь, и в 1228 г. «Святослав отпусти княгыню свою по свету, всхотевши ей в манастирь, и дасть ей наделок многа». Она ушла к «братьи» в Муром и там постриглась. От брака с ней Святослав имел сына Дмитрия⁵⁷.

Михаил Ярославин Храбрый

Род. в 1238 г. – ум. в 1248 г

Михаил Ярославин, четвертый из восьми сыновей Ярослава, известный под именем Хоробрита (Храброго), в первый раз упоминается в летописях под 1238 г. в числе других князей, спасшихся от татарского меча⁵⁸, и затем исчезает со страниц летописей до 1247 г. Святослав Всеволодович, занявший в 1247 г. по смерти Ярослава великокняжеский стол, своих племянников «посажа по городом, яко же уряди брат его, князь великий Ярослав Всеволодич»⁵⁹, – а так как летописи называют Михаила московским, то, очевидно, ему досталась Москва⁶⁰.

В 1248 г. Михаил Ярославин, – неизвестно, вследствие каких побуждений, – выгнал дядю своего, Святослава, из Владимира и сам занял великокняжеский стол. Но в том же году он пал в битве с литовцами на берегу р. Протвы. Епископ Кирилл распорядился перенести тело его во Владимир и похоронил его в Успенском соборе⁶¹.

Потомства Михаил Ярославин не оставил: по крайней мере, его не видно ни по летописям, ни по родословным⁶².

Андрей Ярославин

Род. в 1238 г. – ум. в 1264 г

Летописи не оставили известий о времени рождения Андрея Ярославина, третьего сына Ярослава Всеволодовича⁶³. В первый раз о нем упоминается в летописях под 1238 г., как об одном из князей, спасшихся от меча татарского⁶⁴.

В 1240 г. брат Андрея Александр из-за чего-то разошелся с новгородцами и ушел от них в Переяславль. Но, теснимые соседями – немцами, новгородцы просили у Ярослава Всеволодовича князя для Новгорода, и тот послал к ним сына Андрея. Вероятно, Андрей не оправдал ожиданий новгородцев, и они отправили к Ярославу второе посольство – просить Александра, который и отправился к ним, неизвестно, впрочем, на каких условиях, а Андрей удалился к отцу⁶⁵. Но в следующем 1241 г. мы опять видим его в Новгороде, куда он послан был отцом в помощь брату Александру в борьбе его с немцами, разбив которых в так называемом Ледовом побоище в 1242 г., он опять воротился к отцу⁶⁶. Затем в продолжение лет шести Андрей как будто скрывается из глаз летописцев: до 1247 г. летописи молчат о нем.

Судя по действиям братьев – Ярославичей, Михаила, прогнавшего дядю Святослава из Владимира, и его старших братьев, Александра и Андрея, споривших, как увидим, о вели-

кокняжеском столе при жизни дяди, – Святослав Ярославич подавал какие-то поводы племянникам оспаривать у него великокняжеское достоинство⁶⁷. В 1247 г., когда, следовательно, был еще на Владимирском столе Святослав Всеволодович, Андрей и Александр Ярославичи отправились к Батью, который послал их к великому хану в Монголию. Последний, с умыслом – как некоторые думают – или без всякой задней мысли дал Александру, умнейшему и энергичнейшему из тогдашних русских князей, разоренный, бедный и теперь непривлекательный Киев, – а Андрею (как менее опасному по уму и энергии) – Великое княжение Владимирское. Братья возвратились из Монголии в 1249 г.⁶⁸ В следующем, 1250 г., когда Святослав ходил в Орду и, как видно, хлопотал – хотя и безуспешно – о великокняжеском столе, Андрей сыграл во Владимире свадьбу: он женился на дочери Даниила Романовича Галицкого⁶⁹. Может быть, этот родственный союз Андрея с одним из видных и сильных южнорусских князей заставил Александра действовать решительнее: в 1252 г. он отправился к сыну Батыя, Сартаку, которому жаловался на брата Андрея, что он обманом, не по старшинству получил великокняжеский стол и не полностью платит хану выход. Разгневанный хан приказал доставить Андрея к себе. Еще до возвращения Александра из Орды на Русь пришли с татарской ратью Неврюй, Котья и храбрый Олабуга. «Господи! – сказал Андрей. – Доколе нам ссориться между собою и

наводить друг на друга татар? Лучше бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им!» Посоветовавшись с боярами, Андрей с семейством и приближенными людьми бежал. Татары нагнали его (24 июля) под Переяславлем, разбили и едва не захватили в плен; он успел ускользнуть от них в Новгород, где не был принят; бросился в Псков, откуда – дождавшись жены – ушел в Колывань (Ревель). Оставив там жену, он отправился в Швецию, куда потом прибыла и жена его⁷⁰. Великокняжеский стол занял Александр Невский.

В 1256 г. Андрей воротился в Русь⁷¹ и с любовью принят был Александром, который хотел дать ему Суздаль, но не решался этого сделать без воли разгневанного на Андрея хана. Андрей пошел на Городец и Нижний Новгород. В том же году посольство Александра дарами умилиствовало хана и примирило его с Андреем. В следующем 1257 г. вместе с братом Александром и племянником, Борисом Васильковичем Ростовским, Андрей отправился в Орду для поднесения даров и оказания чести Улавчию. Цель этой поездки заключалась, вероятно, в приобретении благорасположения Улавчия, который был объявлен наместником Руси, – хотя и предположение Карамзина может быть правдоподобно: историограф догадывается, что князя Северо-Восточной Руси, «сведав намерение татар обложить северную Россию, подобно Киевскому и Черниговскому княжению, определенною данью по числу людей, желали отвратить сию тягость, но тщетно»: явились татарские численники и посчитали земли:

Суздальскую, Рязанскую и Муромскую. В 1258 г. Андрей и Александр Ярославичи, Ярослав Тверской и Борис Василькович Ростовский ездили в Орду. Теперь татары потребовали, чтобы и Новгородская земля была посчитана и платила дань. Александр и Андрей Ярославичи и Борис Ростовский отправились с татарскими численниками в Новгород. Сначала дело их шло безуспешно, и только в следующем, 1259 г. вследствие ложного слуха о том, что на Новгород собираются огромные полчища татар, князьям удалось посчитать Новгородскую землю. Из Новгорода Андрей возвратился в Суздаль⁷². Затем летописи ничего не говорят об этом князе до самого 1264 г., а под ним отмечают его смерть и погребение в г. Суздале⁷³.

Андрей Ярославич от брака с дочерью Даниила Романовича Галицкого, неизвестной нам по имени⁷⁴, оставил сыновей: Юрия, Василия и Михаила.

Александр Ярославич Невский

Род. в 1220 г. – ум. в 1263 г

В летописях Александр Ярославич начинает упоминаться с 1228 г. В этом году отец его, Ярослав Всеволодович, после похода на Емь отправился с женой в Переяславль-Залесский, оставив в Новгороде сыновей Федора и Александра. Ярослав оставил при них, – конечно, потому, что княжичи были еще очень молоды, – Федора Даниловича и тиуна Якима⁷⁵. В том же году в Новгороде по случаю долго стоявшей дурной погоды цены на предметы потребления сильно повысились, так как ожидали неурожая и голода. Народ волновался: искали виновника несчастья и нашли его в неповинном ни в чем владыке Арсении, который будто бы коварно заключил своего предшественника Антония (надо заметить – совершенно дряхлого и не владевшего уже языком) в Хутынском монастыре и сам сделался владыкой, подкупив князя; Арсений едва избег насильственной смерти. Антоний опять занял святительский стол; но народ не успокоился; начались грабежи. При таком положении дел дети Ярослава не могли считать себя в безопасности, почему помянутые Федор Данилович и тиун Яким бежали с юными княжичами к отцу их⁷⁶, а новгородцы, пославшие перед тем послов к Ярославу – звать его в Новгород на всей воле новгородской, не дождав-

шись возвращения этих послов, послали других звать к себе Михаила Черниговского. Послы эти, впрочем, задержаны были союзником Ярослава, князем Смоленским. Но у Михаила пока связаны были руки борьбой с Даниилом Галицким; а как только между южными князьями состоялся мир, он поспешил в Новгород, где принят был с восторгом. Уладив дела новгородские, Михаил поспешил (1229 г.) в Чернигов, оставив в Новгороде юного сына своего, Ростислава. Ярослав не упускал случая к притеснению Новгорода. В самом Новгороде происходили волнения и беспорядки вследствие вражды посадника Водовика с сыном известного посадника же Твердислава; к тому же цены на хлеб еще более поднялись вследствие бывших в сентябре 1230 г. морозов, побивших озими. Михаил, во второй раз бывший перед тем в Новгороде и обещавший опять приехать в сентябре, не являлся: Ярослав, злобившийся на него из-за Новгорода, сдерживал его; к тому же Водовик, поднявший сильную междоусобную бурю в Новгороде, ушел с юным Ростиславом в Торжок. Новгородцы послали объявить Михайлову сыну, что отец его изменил, что они найдут себе другого князя; выбрали нового посадника и тысяцкого, разграбили дома прежних сановников и звали к себе Ярослава. 30 декабря 1230 г. Ярослав целовал новгородцам крест «на всех грамотах Ярослава» (Владимировича). Пробыв здесь две недели, он уехал в Переяславль, а в Новгороде опять оставил детей своих, Федора и Александра⁷⁷. В 1236 г. Ярослав уехал княжить в Киев; сын его

Федор умер в 1233 г., так что теперь Александр оставался в Новгороде более или менее самостоятельным князем⁷⁸. Татарское нашествие 1238 г., как известно, не коснулось Новгорода, и юного князя Новгородского, по выражению летописи, Бог соблюл от татарского меча.

Между тем как восточная Русь все внимание должна была обратить на пришельцев-завоевателей, Новгородская область имела под боком врагов в лице шведов, многих финских племен и ливонских рыцарей. Несомненно, ввиду частых вторжений этих врагов в Новгородскую землю, Александр, сыграв в 1239 г. свадьбу в Торжке (он женился на дочери Брячислава Полоцкого), начал укреплять берега Шелони⁷⁹, а года через два неприятель действительно появился, хотя и с другой стороны: в 1240 г. шведский король, вероятно, в наказание за набеги новгородцев на Финляндию послал на Новгородскую землю своего зятя Биргера со множеством шведов, норвежцев и финнов (с ним были, по летописям: «свей и мурмане, Сумь и Ямь»), которые чрез Ладожское озеро и р. Волхов должны были доплыть до самого Новгорода. Но Александр с немногочисленной новгородской ратью встретил их на берегу Невы, где и произошла битва, украшенная поэтическими сказаниями (явление Бориса и Глеба) и давшая Александру прозвание Невского. Последний лично участвовал в битве со шведами и, по словам летописи, «неверному кралою их [Биргеру] возложил остри-

ем меча печать на челе»⁸⁰. В том же году вследствие ссоры с новгородцами, о причинах которой летописи умалчивают, Александр с матерью, женой и вообще со всем двором своим уехал из Новгорода в Переяславль-Залесский⁸¹. Но не прошло и года после его отъезда, как на новгородские земли напали ливонские немцы, чудь и Литва; немцы повоевали Водь и наложили на нее дань; в погосте Копорьи сделали острог (город), взяли г. Тесов и вообще не доходили до Новгорода только на 30 верст. В таких крайних обстоятельствах новгородцы обращаются к великому князю Ярославу Всеволодовичу и просят себе князя; Ярослав отпустил к ним сына своего Андрея, но он, как видно, не оправдал надежд и желаний новгородцев: второе новгородское посольство, во главе которого был владыка Спиридон, просило отпустить Александра. Ярослав, по некоторым летописным известиям, едва согласился. Между тем немцы опять напали на Новгородскую землю: на этот раз они забрали скот по р. Луге, так что сельским жителям нечем было обрабатывать землю⁸². В 1241 г. Александр приехал в Новгород, к общей радости граждан, и в том же году с новгородцами, ладожанами, корелами и ижорянами выступил в поход на немцев: он взял Копорье; взятых в плен немцев частью отпустил, а частью отвел в Новгород; вожан же и чудь, «переветников», перевешал и вскоре возвратился в Переяславль. В том же году немцы напали на Псков, побили псковичей и в городе по-

садили своих наместников. Заслышав об этом, Александр с братом Андреем прибыл в Новгород в том же 1241 г. Братья Ярославичи с новгородцами и низовцами изгоном (быстро и неожиданно) устремились к Пскову, перехватили там немцев и чудь, а немецких наместников из Пскова отправили в Новгород. Таким образом Псков был освобожден. Но рыцари не думали уступать Невскому герою: они выступили против него и вначале имели успех, – ими разбит был передовой отряд русских, вступивших в Ливонию. Александр должен был отступить и искать удобной позиции: он остановился «на Чудском озере, на Узмени у Воронея камени». Немцы устремились на русских, и произошло известное Ледовое побоище. Это было 5 апреля 1242 г. Русские взяли верх и семь верст гнали немцев по льду; 500 рыцарей (по другим сведениям – 400) пало в этой битве и 50 взято в плен. Победителя встретили в Пскове с крестами и хоругвями. В то же время литовцы начинают делать, по выражению летописи, «пакости» Новгородской земле, и Александр устремляется на них: в один поход, если верить летописи, он победил семь ратей литовских и такой страх нагнал на литовцев, что – как говорит летопись – они после того начали «блостися имени его»⁸³. После этой победы Александр отправился в Низовскую землю⁸⁴.

Между тем в том же году немцы прислали послов в Новгород, когда уже Александра там не было («без князя»); они отказывались от недавних своих завоеваний и просили о раз-

мене пленных. «Что есмы зашли Водь, Лугу, Плесков, Лотыголу мечем, — говорили они, — то ся всего отступаем». Таким образом, со стороны ливонских рыцарей новгородские и псковские волости пока были обеспечены в отношении безопасности. Но южные границы не безопасны были от набегов Литвы. В 1245 г. литовцы опустошали окрестности Торжка и Бежецка, где теперь княжил, с соизволения Александра Невского, Ярослав, сын Владимира Псковского, живший до того у ливонцев и недавно воевавший с последними Псковскую землю. Этот Ярослав с новоторжцами погнался за литовцами, но был побит ими; потом вместе с тверскими воеводами, Яведом и Кербетом, которые вышли с тверичами и дмитровцами, он опять погнался за литовцами; у Торопца произошел бой, клонившийся не в пользу русских. На следующий день явился Александр с новгородцами: он отнял у литовцев весь полон и побил 8 князьков литовских. Новгородцы пошли отсюда восвояси, а Александр «с своим двором» продолжал преследовать неприятеля и окончательно добил его у г. Жижиц у У свята. Захватив с собой из Витебска сына, он пошел к Новгороду, но на пути встретил другую литовскую рать, которую также побил⁸⁵. Защищая Северо-Западную Русь от соседей, немцев и финнов, Александр обращал свои взоры и в противоположную сторону, где требовались уже не меч и крепкая рука, а серебро и золото: летописи, между прочим, ставят ему в похвалу, что он «не остави пути отца своего», посылал в Орду выкупать пленников «и много

злата и серебра издава на пленниках». Вообще, слава о нем, а особенно о его богатырских подвигах распространилась повсюду, так что, по словам летописца, даже моавитские жены (монгольские) именем его страшали детей⁸⁶.

30 сентября 1246 г. скончался Ярослав Всеволодович; Александр, вместе с дядей Святославом и братьями, оплакал кончину отца и в том же году, по требованию Батыя, отправился в Орду. Восточный деспот, но словам летописи, не мало подивившись красоте и величественной наружности Александра, послал его и брата его Андрея, ранее Невского прибывшего в Орду, к великому хану в Монголию⁸⁷, откуда они возвращаются в 1249 г., пожалованные⁸⁸: Александр – Киевом и всей Русской землей, а Андрей – Владимиром⁸⁹. По прибытии во Владимир Александру пришлось оплакивать здесь смерть родственников, князей: Владимира Константиновича Углицкого и Василия Всеволодовича Ярославского⁹⁰. Вскоре после этого он отправился в Новгород, где в 1251 г. торжественно встречал прибывшего из Владимира митрополита Кирилла вместе с епископом Ростовским, также Кириллом. Новгородцы умолили митрополита поставить им в епископы Далмата, и митрополит удовлетворил их желание⁹¹, к их общей радости, хотя эта радость должна была несколько омрачиться, так как князь их сильно заболел. Оправившись от болезни, Александр отправил к норвежскому королю Гакону посольство с предложением, чтоб

он воспретил своим финмаркским подданным грабить Лопь и Корелию, причем послам поручено было лично узнать дочь Гакона, Христину, на которой Александр думал женить сына своего, Василия. Предложение о финмаркских подданных было удовлетворено, но сватовство не состоялось⁹².

В своем месте⁹³ мы уже высказали предположение, что родственный союз Андрея с одним из южнорусских князей мог заставить Александра действовать решительнее по отношению к младшему брату. В 1252 г. Невский отправился в Орду к Сартаку, сыну Батые, который по старости уже мало занимался делами по управлению улусами. Принятый с честью, Александр повел дело так, что на Андрея была послана татарская рать под начальством Неврюя, и Андрей бежал чрез Новгород, Псков и Колывань (Ревель) в Швецию. Александр торжественно въехал во Владимир и был посажен митрополитом Кириллом на великом княжении⁹⁴.

В 1254 г. брат Александра, Ярослав Тверской, с своими боярами бежал в Ладогу. Хотя летописи и не указывают на причину этого бегства, но, кажется, ее следует искать в правдоподобно предполагаемых отношениях Ярослава к Андрею. При нашествии Неврюя, когда Александра еще не было на Руси, мы видим семейство Ярослава и воеводу его Жидислава в Переяславле. Зачем, спрашивается, они попали туда? Нам кажется, что младшие братья Александра были в союзе; они не могли не знать, зачем Александр поехал

к Сартаку, и, вероятно, хотели действовать против старшего брата сообща. Однако Александр пока оставлял Ярослава в покое. Но в 1254 г. для Ярослава могло выясниться что-нибудь опасное со стороны Александра, и он решился бежать, и притом с боярами, которые, конечно, были ближайшими советниками своего князя и исполнителями его планов, а следовательно, должны были по необходимости разделять с князем его опасности и невзгоды. Из Ладоги новгородцы перевели Ярослава во Псков. В это время в Новгороде заметно уже было недовольство сыном Невского, Василием, который в следующем, 1255 г. и был изгнан из Новгорода, а на место его взят был Ярослав Ярославич. Василий бежал в Торжок. Узнав об этом, Александр чрез Торжок, где присоединился к нему сын его Василий, пошел к Новгороду вместе с двоюродным братом, Димитрием Святославичем. В Новгороде происходила борьба между двумя партиями, больших и меньших, из которых первая стояла за сына Невского, а вторая – за Ярослава. Тверской князь, не видя возможности удержаться на новом месте, неизвестно куда скрылся, а Невский между тем подступал к Новгороду. Партия больших взяла верх, и в угодку Александру сменен Анания (посадник), сторонник меньших, а место его занял сторонник больших Михалко (Михаил Степанович), внук Твердислава. Умирив граждан, Александр отправился во Владимир, оставив на новгородском столе опять сына Василия. В это время в Орде произошла перемена: в 1255 г. умер Ба-

тый, а в следующем, 1256-м, как сообщают некоторые летописи, все суздальские князья поехали в Орду, естественно, на поклон к новому хану, а преимущественно бывшему тогда в силе ханскому сановнику Улавчию. Александр сам не поехал, а послал только дары. Может быть, Александра удержали дела новгородские: в этом году шведы и финны (Свей, Емь, Сумь) пришли в Новгородскую землю и начали ставить город на р. Нарове; новгородцы послали «на Низ» к великому князю за полками; собирали и свои полки. Услышав о приготовлениях новгородцев, шведы бежали за море. Зимой Александр пришел в Новгород и стал собираться в поход; но никто не знал, куда он хочет идти, хотя многие думали, что он собирается на чужь. Несмотря на чрезвычайные трудности зимнего пути, Александр с суздальскими и новгородскими полками проник в Финляндию, повоював все поморье; много неприятелей было побито и много взято в плен. После этого похода Александр возвратился во Владимир, захватив с собой новгородских послов, Елевферия и Михаила Пинеши-нича⁹⁵. В следующем, 1257 г. князья Александр, Андрей и Борис (Василькович Ростовский) пошли в Орду с поклоном к Улавчию и в том же году возвратились; а вслед за ними пришли татарские численники и посчитали земли: Суздальскую, Рязанскую и Муромскую; поставили десятников, сотников, тысячников и темников; не переписывали только черное и белое духовенство и, вообще, тех, «кто зрить на святую Богородицу и на владыку»⁹⁶. В том же году и до Новгоро-

да дошла, по выражению летописца, злая весть, что татары и с него хотят тамги и десятины. Вследствие этого там поднялись волнения, причем был убит и посадник Михаил (старый, Анания, незадолго перед тем умер). Между тем Александр с татарскими численниками пришел в Новгород, откуда сын его, Василий, разделявший с новгородцами негодование на татарское число, бежал в Псков. Татарские послы требовали тамги и десятины, но им отказали: новгородцы дали им только дары для хана и отпустили с миром. После того Александр выгнал сына своего из Пскова и отправил в Суздальскую землю, а тех, «кто Василья на зло повел», жестоко наказал: «овому носа урезаша, а иному очи выимаша». Впрочем, эту жестокость летописец оправдывает: «всяк бо злеш, – говорит он, – зле да погыбнеть». Волнения и после того не прекращались в Новгороде: в ту же зиму новгородцы убили какого-то Мишу, «может быть, того самого, говорит один из наших историков⁹⁷, который так славно бился со шведами при Неве»; посадничество дано было выведенному из Ладоги Михаилу Федоровичу, а место тысяцкого – Жидяте Доможирову (по другим – Жироху). В следующем, 1258 г. Александр, с братьями – Андреем и Ярославом Тверским – и Борис Ростовский ходили в Орду и читли Улавчия. По отъезде их из Орды во Владимир опять явились, уже в 1259 г., татарские численники для подсчета той же Новгородской земли; Александр, Андрей и Борис Ростовский зимой отправились с ними в Новгород. Но еще осенью

в Новгород пришел из Суздальской земли Михаил Пинеши-
нич (взятый Александром во Владимир в 1256 г.), по словам
летописи, с ложным посольством и сказал новгородцам, что
если они не дадут числа, то полки (татарские) в Низовской
земле уже готовы против них. Новгородцы согласились на
число («яшася новгородци но число»). Однако зимой, когда
приехали в Новгород татарские послы, Беркай и Касачик, с
женами своими и многочисленной свитой, в Новгороде под-
нялся мятеж; татары требовали от Александра стражи для
личной безопасности от народной ярости, – они говорили:
«Дайте нам число, или бежим проче», что означало, вероят-
но, угрозу. Но чернь волновалась и хотела «честно умереть
за ев. Софию», между тем как другие настаивали на исполне-
нии требования татарских послов. Есть известие, что татары
– может быть, в надежде на разъединенность новгородцев – с
двух сторон хотели ударить на город, но – по словам летопи-
си – невидимая сила Христова возбранила им это. Наконец,
Александр, а за ним и татары, выехали с Городища. Толь-
ко теперь большие взяли верх: новгородцы «яшася по чис-
ло, творяху бо бояре собе легко, а меньшим зло». Взяв чис-
ло, татары удалились восвояси. Александр, оставив на Нов-
городском столе другого сына, Димитрия, также поехал во
Владимир чрез Ростов, куда прибыл в среду средокрестной
недели. Здесь его чествовали епископ Кирилл, князья Борис
и Глеб с матерью их, княгиней Марией⁹⁸.

Теперь в Новгороде пока все успокоилось. Но года через

три, а именно в 1262 г., произошли восстания в других городах: выведенные из терпения насилиями откупщиков татарской дани, бессерменами, жители разных городов собирались на веча и решали – изгонять от себя сыроядцев, как называли тогда татар и бесермен. Так, произошли восстания в городах: Владимире, Суздале, Ростове, Ярославле, Переяславле; в Ярославле убит был народом Зосима, бывший прежде христианином и даже монахом, а потом в угоду одному ханскому баскаку принявший магометанство и, как это большей частью бывает с ренегатами, ругавшийся над прежней верой своей и прежними братьями по ней и даже хуже окаянных, как говорит летопись, утеснявший прежних своих сограждан. Конечно, в Орде не могли равнодушно отнестись к такому событию, и татарские полчища уже готовы были нахлынуть на Русь. Александру предстоял трудный подвиг – умиловать хана, чтобы отвлечь беду от Русской земли. В четвертый⁹⁹ раз отправляясь в Орду, Александр послал сына своего Димитрия с новгородцами и брата Ярослава Тверского на г. Юрьев (Дерпт); с ними пошли еще два князя: зять Александра Константин, сын Ростислава Смоленского, и князь Полоцкий Товтивил с полочанами и литовцами¹⁰⁰. Этот поход был удачен: Юрьев был взят, множество граждан погибло в пожаре, многие побиты, а иные взяты были живыми. Следствием этой победы был выгодный для русских договор с немцами¹⁰¹. Между тем Александр отпра-

вился в Орду¹⁰². Хан Берге задержал его, так что ему пришлось зимовать там¹⁰³. Из Орды Александр выехал больной; через Н. Новгород он доехал до Городца¹⁰⁴ и здесь, 14 ноября 1263 г., постригся, приняв при этом имя Алексия, а ночью того же числа скончался. Тело его повезли во Владимир. Митрополит Кирилл, в сопровождении владимирских граждан, встретил печальное шествие за 10 верст от Владимира у врат Боголюбской обители. 23 ноября тело Александра погребено было в монастыре Рождества Пресвятой Богородицы, откуда, в 1725 г., мощи его перенесены были Петром I в Санкт-Петербургскую Александро-Невскую лавру¹⁰⁵.

Александр Ярославин был женат на Александре, дочери князя Полоцкого Брючислава, отец которого нам неизвестен; о самом Брючиславе летописи упоминают только по поводу выхода его дочери за Александра, в 1239 г.¹⁰⁶ Некоторые приписывают Невскому вторую жену, Вассу, но, кажется, ошибочно¹⁰⁷. Александр имел следующих детей: Василия, Димитрия, Андрея, Даниила¹⁰⁸ и дочь Евдокию, бывшую в замужестве за Константином Ростиславичем, князем Смоленским.

Ярослав Ярославин

Род. в 1263 г. – ум. в 1272 г

Ярослав Ярославич, великий князь Тверской, был вместе с тем, после брата своего, Александра Невского, и великим князем Владимирским с 1263 по 1272 г. Биографические сведения о нем будут изложены в отделе о Тверских великих князьях.

Василий Ярославич

Род. в 1241 г. – ум. в 1276 г

Летописи, отметив под 1241 г. рождение у великого князя Ярослава Всеволодовича сына Василия, в продолжение потом лет тридцати почти ничего не говорят о последнем¹⁰⁹, – почти потому, что под 1246 г. он упоминается по случаю смерти отца его¹¹⁰. В том же году, как известно, брат Ярослава, Святослав Всеволодович, занявший по старшинству великокняжеский стол, «посажа» племянников своих «по городом, яко же уряди брат его, великий князь Ярослав Всеволодович»¹¹¹. Надо полагать, что в это же время и Василий получил Кострому, которой, по его малолетству, могли управлять бояре. Затем под 1266 г. он упоминается по случаю его женитьбы¹¹².

В 1269 г. после известной Раковорской битвы новгородцы еще не примирились с немцами, и по этому случаю в Новгороде произошла сумятица: одни хотели послать за Ярославом в надежде, что он примирит Новгород с немцами, – другие не хотели этого. Ярослав, много помогший новгородцам в помянутой битве, полагал, что ему теперь легко будет сместить некоторых, не расположенных к нему, новгородских бояр от их должностей и заменить их своими приверженцами. Хотя теперь время было удобное и он не замедлил при-

ехать в Новгород, но преуспел только в том, что на место тысяцкого, не вернувшегося в Новгород после Раковорской битвы (о нем не знали даже, убит был он или нет), новгородцы выбрали Ярославова сторонника, Ратибора Клуковича. После этого, благодаря – скажем современным техническим языком – военным демонстрациям Ярослава, направленным против немцев, новгородцам удалось заключить с последними мир. Естественно, Ярослав теперь думал, что он может распоряжаться в Новгороде по личному усмотрению: так, он самовольно забирает себе двор какого-то Алексы Морткинича; берет у некоторых новгородцев деньги; отнимает вотчины у храма Святой Софии; перевершает прежние грамоты; вмешивается в торговые отношения новгородцев с немцами и т. п. Вследствие такого самоуправства Ярослава в 1270 г. в Новгороде поднялся мятеж, причем некоторые из сторонников Ярослава бежали, некоторые – убиты; Ярославу же решительно и энергично предложено было выехать из Новгорода. Не имея при себе войска, Ярослав должен был подчиниться необходимости. Новгородцы обратились к племяннику Ярославу, Димитрию Александровичу, и звали его к себе; но он не хотел оскорблять дядю. Новгородцы оказались в критическом положении, тем более что Ярослав готовился к походу на Новгород, против которого поднимал и татар. Помощь, однако, явилась Новгороду, откуда нельзя было, по видимому, и ожидать: за Новгород стал «мезинный» (меньший, младший) брат Ярослава, Василий Костромской. Мо-

жет быть, Василий был или оскорблен старшим братом, который, когда самовластно распоряжался в Новгороде, точно так же распоряжался и в Костроме, где захватил еще в прошлом году новгородских купцов; или костромский князь боялся усиления тверского князя, который в то же время был и великим князем Владимирским. Как бы то ни было, Василий отправил в Новгород послов. «Кланяюся святой Софьи и мужем новгородцем; слышал есмь, аже Ярослав идет на Новгород, со всею сплюю своею... жаль ми своя отчины», — сказал он чрез этих послов новгородцам. Сам же Василий отправился в Орду вместе с новгородцами, Петрилой Рычагом и Михаилом Пинещиничем, может быть, приходившими к Василию с тем же, с чем новгородцы ходили и к Дмитрию, в Переяславль. Василий представлял хану всю невинность новгородцев и, напротив, обвинял Ярослава. Хан, уже отпустивший было татар на Новгород, воротил их, оставив при Ярославе только послов. Ярославу только при помощи духовной власти удалось победить новгородцев без кровопролития, и то так, что мир заключен был на всей воле новгородской¹¹³. Эта новгородская воля выразилась в том, что — по наущению Василия — новгородцы по договорам вытребовали от Ярослава такие обязательства, по которым последний лишился суда и черной и печерской даней и отмены которых, т. е. обязательств, как сейчас увидим, потребовал потом сам же Василий... В следующем, 1271 г. братья и племянник их, Ярослав и Василий Ярославичи и Дмитрий Александрович, ездили в

Орду. Летописи не указывают поводы к этой поездке; может быть, она была связана с предшествующими событиями. На обратном пути из Орды, уже в 1272 г., Ярослав умер, и Владимирский великокняжеский стол занял брат его, Василий Ярославич Костромской¹¹⁴.

Со смертью Ярослава Новгородский стол остался, так сказать, вакантным. Конечно, великий князь имел больше шансов на занятие Новгородского стола, что было и в интересах Новгорода – иметь у себя сильнейшего князя, только бы он не стеснял его вольностей. Но Димитрий Александрович Переяславский, не хотевший прежде, как мы видели, взять Новгородского стола под дядей (Ярославом Тверским), теперь оказывается претендентом на этот стол. Он, как сын Невского, столько добра сделавшего Новгороду, мог, конечно, рассчитывать на сочувствие новгородцев. Но и Василий еще так недавно оказал важную услугу новгородцам в борьбе их с Ярославом! Оба претендента послали (в 1272 г.) в Новгород своих послов, которые остановились на Ярославовом дворе. Новгородцы, по некоторым известиям, предпочли Димитрия потому, что Василий, вступив на великокняжеский стол, послал в Новгород своих наместников и приказал уничтожить грамоты брата своего, Ярослава, по которым у князя отнимался суд, а также черная и печерская дани. Новгородцы отвечали Василию, что он сам же «удумал» им это, а теперь поступает совершенно наоборот. Итак, новгородцы призвали к себе Димитрия Александровича, который

в том же году прибыл в Новгород и 9 октября сел на столе. В следующем, 1273 г. Василий, послав воеводу своего Семена пустошить новгородскую волость, сам пошел к Переяславлю, а отсюда – к Торжку; пожег здесь хоромы и, посадив в Торжке своих тиунов, ушел в Кострому. Семен, опустошив новгородские волости, также возвратился во Владимир с большим полоном. В то же время и племянник Василия, Святослав Тверской, с татарами опустошал Волок, Бежецк и Вологду. Между тем в Новгороде вздорожал хлеб, кажется, главным образом, потому, что в Низовской земле у новгородских гостей, бывших во Владимире, Твери и Костроме, были отняты товары. Димитрий Александрович зимой того же года пошел с новгородцами ратью на Тверь, а к Василию Ярославичу отправил послов с предложением – возвратить Новгороду взятые им новгородские волости и заключить с новгородцами мир. Великий князь отпустил послов с честью, но мира не дал. Все эти бедствия ввиду стольких врагов, наконец, внушили новгородцам спасительную мысль – обратиться к Василию. В Торожке, куда прибыл Димитрий с новгородцами, с намерением воевать тверскую землю, случилась заминка: новгородцы, видя на стороне Василия перевес, желали быть за него. Димитрий добровольно отказался от Новгородского стола, почему и был отпущен в Переяславль, как говорят летописи, с любовью; у приверженца его, Павши, отнято было посадничество и отдано Михаилу Мишиничу. Павша бежал к Димитрию. К Василию послали послов; а в Торжке прися-

гали «единым быти с посадником Михаилом». Впрочем, в том же году, когда Василий уже посажен был на Новгородском столе, Павша перешел на его сторону: посадничество опять дали ему¹¹⁵.

В 1274 г. Павша умер. Василий Ярославич приехал в Новгород, и при нем в посадники опять выбран был Михаил Мишинич¹¹⁶.

В конце 1275 г. Василий зачем-то ездил в Орду, откуда вернулся уже в следующем 1276 г. во Владимир. В том же году он умер в Костроме, в которой почти постоянно жил, будучи и великим князем, и погребен в церкви Святого Федора в присутствии многих князей. Тут были: Борис Василькович Ростовский, Глеб Василькович Белозерский, Михаил Иванович Стародубский, внук Всеволода Юрьевича, Дмитрий Александрович Переяславский и Федор Ростиславич Ярославский¹¹⁷.

Василий Ярославич был женат, но о жене его до нас не дошло никаких известий; не знаем даже ее имени. Равным образом ни из летописей, ни из родословных не видно, чтобы у него были дети¹¹⁸.

Димитрий Александрович Переяславский

Род. в 1250 г. – ум. в 1294 г

В 1259 г. Александр Невский был в Новгороде с татарскими численниками, приехавшими для переписи Новгородской земли. По окончании переписи, которой предшествовали обычные новгородские смуты, татары выехали из Новгорода; вскоре после них выехал и Александр, оставив там сына своего Димитрия, который был, вероятно, еще очень молод¹¹⁹. Как Димитрий жил и управлял Новгородом до 1262 г., летописи не оставили сведений. Но в этом последнем году Александр Невский, намереваясь ехать в Орду, послал брата своего Ярослава и сына Димитрия с новгородцами ратью на Юрьев (Дерпт). Летописи замечают, что Димитрий воротился из этого похода «со многим товаром». Само собой разумеется, что победа новгородцев и взятие Юрьева зависели не от Димитрия, еще очень молодого, а от них самих или от князей, принимавших в этом походе участие; тут были, кроме Ярослава Ярославича: зять Невского, Константин Ростиславич Смоленский, и полоцкий князь Товтивл с полочанами и Литвой, с которой новгородцы, незадолго до этого похода, помирились¹²⁰.

Для новгородцев, конечно, неудобно было иметь у себя

малолетнего князя, и, как видно из последующих событий, они только ждали удобного случая устранить его от себя. Случай этот скоро представился: 14 ноября 1263 г. умер Александр Невский, а в следующем году новгородцы с своим посадником (Михалком) во главе выгнали от себя Дмитрия, «зане князь еще мал бяше», и посадили у себя дядю его, Ярослава Ярославича Тверского¹²¹.

В 1268 г. новгородцы открывают военные действия против ливонцев, к чему привлекают и других князей; посылают и за Дмитрием в Переяславль¹²². Дмитрий, таким образом, принимал участие в знаменитой битве под Раковором (Везенбергом) и в битве у р. Кеголи. Летописи отводят даже видное место в этом походе Дмитрию. Так, в конце января по пути к Раковору отряд, в котором находился Дмитрий, напал на засевшую в одной пещере чудь, которую трудно было выбить оттуда, но выбили, благодаря «хитрости порочно-го мастера», который пустил в пещеру воду; чудь убежала и была побита; а захваченный при этом товар отдан был Дмитрию. В дальнейшем рассказе об этом походе Дмитрий изображается успешно действующим по собственному почину; после победы, одержанной 18 февраля, он три дня стоит «на костях» и потом уже отправляется в Новгород, а оттуда – в Переяславль¹²³.

В 1270 г., после того как великий князь Ярослав Ярославич показал, что он хочет распоряжаться в Новгороде по

своему усмотрению, новгородцы подняли мятеж и прогнали Ярослава, несмотря на обещание его во всем уступить «воле новгородской»; они послали в Переяславль за Димитрием, прося его на Новгородский стол; Димитрий отказался, не желая «взять стола перед стрьем своим»; а потом даже помогал Ярославу в походе на Новгород и ходил с ним в 1271 г. в Орду¹²⁴. Но в 1272 г., по смерти Ярослава, Димитрий желал и добивался Новгорода, хотя и должен был уступить великому князю Василию Ярославичу, который располагал большими средствами для удержания Новгорода за собой¹²⁵.

По смерти Василия Ярославича в 1276 г. Димитрий Александрович сделался великим князем Владимирским; в том же году новгородцы звали его к себе, а в 1277 г. посадили его на Новгородском столе в Неделю Всех Святых¹²⁶. В следующем, 1278 г. Димитрий с своими низовскими полками и новгородскими ходил на корелу и «полонил всю землю их», а в 1279 г. выпросил у новгородцев позволение поставить для себя город Копорье (крепость в Копорьи). В 1280 г. он лично с посадником Михаилом и «большими мужи» пошел в Копорье и заложил там каменную крепость¹²⁷. Тогда же он и новгородцы по каким-то причинам отняли посадничество у Михаила Мишинича, а на место его вывели из Ладоги Семена Михайловича¹²⁸. Все эти последние факты указывают на то, что новгородцы были с великим князем в мире и согласии, а потому удивительным кажется, что в следующем,

1281 г. у Дмитрия произошел разлад с новгородцами.

Некоторые думают, что этот разлад произошел из-за Копорья, которое новгородцы не хотели оставлять в руках великого князя¹²⁹. Вследствие этого Дмитрий Александрович вступил с огнем и мечом на Новгородскую землю и стал на Шелони. Сюда прибыл к нему новгородский архиепископ с дарами и просьбой о мире. До начала военных действий к Дмитрию приходил тот же владыка, но тогда великий князь не взял мира с новгородцами; теперь же он дал мир и уехал во Владимир, откуда вскоре отправился в Ростов, где происходила ссора между братьями, Дмитрием и Константином Борисовичами, недавно получившими княжение после дяди Глеба, а теперь отнявшими Белозерский удел у Глебова сына Михаила. Дмитрий примирил братьев. Между тем его собственный брат, Андрей Городецкий, руководимый, как объясняют летописи, одним из своих приближенных, «льстивым коромольником, Семеном Тониглиевичем», в том же 1281 г. пошел в Орду, бил челом хану на брата своего Дмитрия и успел выпросить ярлык на великое княжение. До Андрея дошла в Орду весть, что Дмитрий собирает рать, укрепляет город, не хочет слушать ханского слова и уступать княжения младшему брату. Все это передано было хану, который и дал Андрею татарскую рать, во главе с Кавгадыем и Алчедаем. Андрей подошел к Мурому и созывал сюда князей. Боясь ли пришедшей с Андреем татарской рати, а главное – боясь ли оскорбить хана, давшего Андрею великокня-

жеский ярлык и рать, или желая ослабить великого князя, к Андрею явились: князь Федор Ростиславич Ярославский, Михаил Иванович Стародубский и Константин Борисович Ростовский. Объединенные князья вместе с татарами пошли на Дмитрия к Переяславлю; но последние, кажется, не хотели и думать об определенной цели похода; они все по пути предавали огню и мечу: опустошили Муром, около Владимира, Юрьева, Твери, Торжка, даже Ростова; Переяславль, в котором не было Дмитрия, взят был на щит. А все зло, по замечанию одной летописи, сделал Андрей, добываясь великого княжения не по старшинству. Между тем Дмитрий бежал к Новгороду и хотел пробраться и засесть в Копорье. Новгородцы вышли против него на Ильмень, заставили его отказаться от Копорья и показали ему путь; при этом они захватили в качестве аманатов (взяли в таль) двух дочерей Дмитрия и бояр с женами и детьми, обещав отпустить их, коль скоро «мужи» Дмитрия выйдут из Копорья. Это было 1 января. В Копорье вместе с дружиной Дмитрия находился и зять его Довмонт. Он, когда еще Дмитрий имел дело с новгородцами на Ильмене, набежал на Ладогу и захватил оттуда имущество тестя, а по выражению Новгородской первой летописи – «задроша и ладоского» (прихватил), и воротился к Копорью на Васильев день (1 января). Между тем новгородцы, послав за Андреем, пошли на Копорье; дружина Дмитрия вышла из города, который и был новгородцами разрушен, а земляные укрепления срыты («гору раско-

паша»). Андрей прибыл в Новгород и сел на столе. В то же время и Дмитрий, ушедший из Новгородской земли за море, возвратился в Переяславль. Андрей, после обычного обряда сажания на стол Новгородский, взяв с собой несколько новгородских бояр, поторопился во Владимир, так как, по некоторым свидетельствам, он услышал, что Димитрий вернулся из-за моря с большою ратью, укрепляет город и собирает полки. Новгородских бояр он захватил потому, что боялся брата. Из Владимира, отпустив новгородских бояр, Андрей отправился в Городец, а отсюда – в Орду с жалобами на брата; с ним отправился и Семен Тониглиевич. Между тем один из отпущенных им новгородских бояр, посадник Семен Михайлович, засел в Торжке и не пускал туда Димитриевых наместников, а «обилие» (хлеб) водяным путем препровождал в Новгород. С наступлением 1283 г. Святослав Ярославич с тверичами, Даниил Александрович с москвичами и новгородцы пошли ратью к Переяславлю на Димитрия, который выступил против объединенных сил и стал в Дмитрове. Не доходя 5 верст до города, противники Димитрия вступили с ним в переговоры и заключили мир. Но Андрей и после этого не мог успокоиться: из Орды он привел татарскую рать под начальством Турайтемира и Алына, а воеводой был у них Семен Тониглиевич. Рать эта начала опустошать Суздальскую землю, между тем как Димитрий бежал к татарам, но не к золотоордынским, покровителям Андрея, а к враждебным им – ногайским, кочевавшим в южнорусских степях

у берегов Черного моря. Ногай, бывший прежде военачальником в Золотой Орде, теперь считался сам полновластным ханом, которого боялся даже хан Золотой Орды. Димитрий принят был здесь с честью, конечно, благодаря соперничеству ханов. Вернувшись на Русь с ханской грамотой Димитрию не пришлось прибегать к мечу: Андрей добровольно примирился с ним. Тогда же Димитрий послал в Кострому бояр своих, Антона и Феофана, которым поручено было выпытать у Семена Тониглиевича об Андреевых планах и убить его; бояре исполнили волю князя: убили Семена, но о планах Андрея ничего не узнали. Вероятно, Андрей задумал отомстить брату за его самоуправство и за своего любимца: по крайней мере, мы видим, что в 1284 г. Андрей пришел в Торжок и позвал к себе новгородского посадника Семена со «всеми старейшими людьми»; здесь князь и новгородцы целовали крест на том, что Андрей «не соступается Новгорода», а новгородцы не ищут другого князя. Из Торжка Андрей пошел в Суздальскую землю, но уступил все-таки Новгород Димитрию, так как, по известию Татищева, Димитрий хотел идти на него ратью. Мало того: в том же году зимой он сам ходил с Димитрием, с которым были и татары, на Новгородскую землю, которая претерпела много зла. Новгородцам, теснимым в это время со стороны Невы немцами, ничего не оставалось, как постараться о примирении с великим князем: Димитрий сел на Новгородском столе¹³⁰.

Но Андрей, как видно, только в силу необходимости при-

мирился с братом; в душе же продолжал питать к нему ненависть. Так, в 1285 г. он привел на Дмитрия какого-то ордынского царевича с татарами, которые, по обычаю, разбрелись по Суздальской земле для грабежа. Дмитрий, соединившись «с братьею своею», выгнал этого царевича, а бояр Андреевых забрал в плен¹³¹.

Дмитрий Александрович, как видно, хотел держать всех князей Суздальской земли под своей рукой. Так, смилив брата своего Андрея, он в 1288 г. или около того предпринимает поход на Михаила Тверского, потому что, по выражению летописца, «не восхоте Михаил Тверский поклониться великому князю Дмитрию». Великий князь с новгородцами и их посадником Андреем, с братьями: Андреем Городецким и Даниилом Московским, и с князем Ростовским Дмитрием Борисовичем (на дочери которого года за три перед тем женился сын великого князя Иван) двинулись на Тверь и подошли к Кашину, где стояли девять дней, города не взяли, но в окрестностях «все пусто сотвориша»; после того, взяв Конятин, они пошли к самой Твери. Михаил Ярославин, 17-летний юноша, хотя и вышел к ним навстречу, но дело до битвы не дошло; князья заключили мир, но на каких условиях – неизвестно: вероятно, мир невыгоден был Михаилу¹³².

Как увидим впоследствии, Андрей все еще не оставлял мысли о враждебных действиях против брата. Дмитрий, вероятно, и замечал это, но не хотел без явных поводов его усмирять. Может быть, для ограждения себя от враждебных

действий Андрея совместно с татарами, не хотел ли он задобрить последних и – не с этою ли целью в 1292 г. он послал сына своего Александра в Орду (Ногаеву), который там и умер?¹³³

Занятый делами, более близкими его сердцу, Димитрий, как князь Новгородский, не оставлял, однако, без внимания и Великого Новгорода. Так, в том же 1292 г. его воеводы ходили с новгородцами на немцев, которые беспокоили Новгородскую землю, конечно, потому, что сами новгородцы не упускали случая пограбить враждебных им соседей: как выражается летопись, новгородские «молодцы» делали в этом году набеги на Емь, чем и вызвали неприязненные действия со стороны шведов¹³⁴.

В 1293 г. Андрей Александрович, привлекая на свою сторону князей Ростовских, Димитрия и Константина Борисовичей, и Федора Ростиславича Ярославского с зятем его, Михаилом Глебовичем Белозерским, ходил в Орду (Золотую), где тогда ханом был Тохта; жаловался последнему на брата и успел выхлопотать рать, с которой Тохта отпустил своего брата Дуденя. Придя в Суздальскую землю, татары разорили Владимир, Москву, Дмитров, Волок, Переяславль, Юрьев, Коломну и многие другие города. Димитрий Александрович пред их приходом бежал сначала в Волок, а потом – во Псков... Татары хотели идти на Тверь, куда отовсюду сбежалось множество народа, решившегося положить головы, если бы пришли татары. Слух ли об этой решимости ко-

ренных и пришлых тверичей или слух о приближении к городу возвращавшегося из Орды тверского князя подействовал на татар, только они на Тверь не пошли, а обратились на Волок. Теперь новгородцы высылают к ним послов с дарами, прося ханского брата пощадить их землю, а Андрея зовут к себе на стол. Дудень «вспяти» свою рать; то же сделал и Андрей, а сам пошел в Новгород. Таким образом, Владимир и Новгород остались за Андреем, а союзник его, Федор Ростиславич, сел в Переяславле; Дмитриева же сына Ивана они вывели в Кострому. Между тем Дмитрий Александрович, вероятно считая себя под угрозой от врагов своих во Пскове, решил бежать в Тверь. Андрей, узнав об этом, с посадником Андреем Климовичем и новгородцами бросился в Торжок, чтоб перехватить там брата. Хотя Дмитрий сам и благополучно пробрался в Тверь, но обоз его попал в руки Андрея и новгородцев. Из Твери, конечно, при участии тверского князя Михаила Дмитрий послал в Торжок тверского владыку с каким-то князем Святославом для переговоров о мире, который и был заключен: Дмитрий отказался от великого княжения и хотел провести последние дни в своем любимом Переяславле. Вероятно, с досады, что лишается приобретения, Федор Ростиславич, союзник Андрея, оставляя Переяславль, сжег его. Дмитрий отправился в свою отчину через Волок; в пути он заболел, постригся в чернецы и – умер. Это было в 1294 г. Тело его из Волока перевезли в Переяславль и там похоронили в Спасо-Преображенском соборе¹³⁵.

От брака с неизвестной нам супругой Дмитрий Александрович имел троих сыновей: Ивана, Александра и Ивана меньшого и дочь Марию, бывшую за князем Псковским Довмонтом, и еще двух дочерей, имена которых нам неизвестны¹³⁶.

Андрей Александрович Городецкий

Род. в 1263 г. – ум. в 1304 г

О годах младенчества и ранней юности Андрея Александровича летописи не передают почти никаких известий; одна только Никоновская летопись под 1263 г., говоря о смерти отца его, отмечает имя его третьим в числе сыновей Невского, когда он, т. е. Андрей, был, кажется, еще очень молод. В 1276 г. умер Василий Ярославич в Костроме, не оставив потомства, и Андрей, в придачу к Городцу, получил еще и Кострому¹³⁷.

Действующим лицом Андрей выходит на сцену только по занятии его братом Димитрием великокняжеского стола: в 1277 г., когда Димитрий отправился в Новгород, как великий князь, сесть на тамошнем столе, другие князья, как Борис Ростовский, Глеб Белозерский (Васильковичи), Федор Ростиславич Ярославский и Андрей Александрович Городецкий, пошли с войсками в Орду на помощь хану Мангу-Тимуру, который собирался в поход на Кавказ против непокорных ему ясов (алан). Поход этот окончился к 1279 г.¹³⁸ Года через два после этого похода (1281 г.) Андрей, руководимый любимцем своим, Семеном Тониглиевичем, отправляется в Орду, жалуется на брата, поднимает на него татар, подходит к Мурому, куда собирает некоторых

князей, идет на Переяславль и 19 декабря берет его¹³⁹. Между тем как Димитрий бежал и направлялся мимо Новгорода к Копорью, куда новгородцы не хотели пустить его, Андрей из Переяславля пошел во Владимир, роскошно угостил здесь татарских вождей и отпустил их, а сам отправился в Новгород, где принят был с честью¹⁴⁰. По уходе татар Димитрий возвратился в свою отчину. До Андрея дошли слухи, что брат его укрепляет Переяславль и собирает рать, а потому (в 1282 г.), захватив с собой многих новгородцев и двух посадников, Семена Михайловича и Якова Димитриевича, он пошел из Новгорода во Владимир. Угостив здесь новгородцев, он послал их стеречь Торжок и Новгород, а сам с Семеном Тониглиевичем чрез Городец отправился в Орду, где опять успел восстановить хана против Димитрия и получить татарскую рать под предводительством Турай-Темира и Алыня. Димитрий бежал к отложившемуся недавно от Орды сильному Ногаю в приднепровские степи. В 1283 г. он воротился в Русь, и между братьями произошло примирение, неискреннее, впрочем, со стороны Андрея¹⁴¹. Так как в распрях принимал весьма деятельное участие любимец Андрея, Семен Тониглиевич, естественно, Димитрию хотелось устранить его от Андрея, и он, как мы видели, устранил¹⁴². Это обстоятельство заставило Андрея теснее сблизиться с новгородцами против старшего брата: в Торжке и та и другая сторона целовала крест друг к другу стоять за одно. Но,

придя в Суздальскую землю, Андрей не только ничего не мог предпринять против брата, а даже ходил вместе с ним в 1284 г. против тех же новгородцев¹⁴³. Впрочем, Андрей еще не успокоился. В 1285 г. он привел из Орды на Димитрия какого-то царевича, но Димитрий прогнал его, а бояр Андреевых переловил¹⁴⁴. Андрей, по-видимому, смирился и даже наряду с другими князьями в 1289 г. участвовал в походе Димитрия на Тверь¹⁴⁵. Но в 1293 г. вместе с другими князьями – Ростовскими, Углицким, Ярославским и Белозерским – он отправился в Орду и жаловался хану Тохте на брата; хан отпустил с Андреем брата своего Дуденя и с ним татар, которые «всю землю пусту сотвориша». Но мы не будем передавать подробностей этого эпизода: они изложены в предыдущей биографии. Скажем только, что Андрей по уходе татар отправился в Новгород, откуда воеводы его, вместе с новгородцами, ходили в том же году на границу Корелии к вновь построенному шведами городку (нынешний Выборг). Но поход этот был неудачен¹⁴⁶.

Хотя Димитрий и радушно был принят во Пскове, но, вероятно, считал себя под угрозой из-за близкого соседства с Андреем, а потому решил удалиться в Тверь. Андрей хотел перехватить брата в Торжке, но это ему не удалось, хотя пожитки Димитрия попали в его руки. При посредстве тверского князя братья заключили мир в 1294 г.: Димитрий отказался от великокняжеского стола и получил обратно Пе-

реяславль (Федор Ростиславич должен был оставить город и, оставляя, сожг его, конечно, с досады), на пути к которому заболел в Волоке, постригся в чернецы и умер. Теперь Андрей уже бесспорно занимает великокняжеский стол¹⁴⁷.

В том же 1294 г. Андрей Александрович и Михаил Ярославич Тверской женились на дочерях только что умершего Димитрия Борисовича Ростовского: первый – на Василисе, второй – на Анне¹⁴⁸. В следующем, 1295 г. Андрей вместе с молодой женой отправился в Орду, вероятно, лично уведомить хана о смерти брата и своем занятии великокняжеского стола¹⁴⁹. Вскоре Андрею пришлось, как и его предшественнику, войти в столкновение с прочими князьями, из которых на его сторону встали: Федор Ростиславич Ярославский и Константин Борисович Ростовский; прочие: Михаил Тверской, Даниил Московский и Иван Димитриевич Переяславский – были против Андрея. Дело едва не дошло до междоусобной войны. В 1296 г. князья собрались для решения споров во Владимир, куда по этому случаю прибыл и ханский посол; не было только Ивана Димитриевича, который перед съездом отправился в Орду, поручив блюсти свою отчину князьям Московскому и Тверскому; представителями его на съезде были переяславские бояре. На съезде, несмотря на присутствие ханского посла, князья подняли было резню; но благодаря вмешательству епископов – Владимирского Симеона и сарского Измаила – кровь не пролилась. Так

или иначе князья уладили дела и разъехались. Но Андрей досадовал на своих противников и, как видно, в особенности на своего племянника, Ивана Димитриевича Переяславского, и в том же году пошел ратью на Переяславль. Даниил Московский и Михаил Тверской выступили навстречу и сошлись с Андреем близ Юрьева. До битвы, однако, дело не дошло: князья примирились и разошлись¹⁵⁰.

Между тем на северо-западе немцы начинают беспокоить Псков и угрожать Новгороду: в 1299 г. в марте они напали на Псков, сожгли посад и обложили город. В последний раз вышел против них храбрый Довмонт. Произошла битва, какой, по замечанию летописей, около Пскова никогда не бывало; некоторых пленных Довмонт отправил к Андрею Александровичу¹⁵¹. В следующем 1300 г. немцы пришли к устью Охты и поставили город Ландскрону. Андрей не мог вовремя подать помощи Новгороду, конечно, потому, что между князьями Суздальской земли все еще продолжались распри¹⁵². В 1301 г. Андрей Александрович, Михаил Тверской, Даниил Московский и Иван Переяславский съехались у Дмитрова и установили мир между собой, – но не все: «Михаило с Иваном не dokonчал межи собой», может быть, потому, что тверской князь, державший сторону Ивана, ожидал получить что-нибудь из Ивановой волости после его смерти, но Иван ничего ему не отказал¹⁵³.

В том же 1301 г. Андрей ездил в Новгород и ходил с нов-

городцами к Ландскроне; город был взят и разрушен, а немцы перебиты¹⁵⁴. Но дела Суздальской земли не позволяли Андрею медлить в Новгороде. В 1302 г. 15 мая умер Иван Димитриевич Переяславский, отказав свою отчину младшему дяде своему, Даниилу Московскому, которого любил и уважал. Даниил занял Переяславль своими наместниками, а наместники великого князя бежали оттуда. Андрей отправился в Орду, конечно, жаловаться на Даниила. Но хотя он и вернулся из Орды с ханскими послами и пожалованием, ему не пришлось продолжать борьбы. В 1303 г. умер Даниил; в Переяславле сидел сын его Юрий, которого переяславцы не хотели отпустить даже на погребение отца, боясь, что Андрей захватит без него Переяславль. На состоявшемся в Переяславле съезде¹⁵⁵ примирились все князья за исключением Юрия Даниловича, удержавшего Переяславль за собой. После этого съезда Андрей отправился в Городец, где в начале следующего, 1304 г. умер схимником и погребен в церкви Святого Михаила¹⁵⁶.

Андрей Александрович от брака с Василисой, дочерью князя Димитрия Борисовича Ростовского, имел детей: Юрия, Михаила и Бориса.

Михаил Ярославин Тверской

Род. в 1271 г. – ум. в 1318 г

По смерти Андрея Александровича на великокняжеское достоинство мог вполне рассчитывать князь Тверской Михаил Ярославич, как старший в роде Ярослава Всеволодовича; но ему явился соперник в лице московского князя Юрия Даниловича. Борьба этих равно энергичных князей окончилась в пользу Михаила, который в 1304 г. и занял великокняжеский стол, на котором сидел до самой смерти, т. е. до 1318 г. включительно. Полные биографические сведения о нем помещены в разделе о тверских князьях.

Юрий Данилович Московский

Род. в 1281 г. – ум. в 1325 г

В середине мая 1302 г. умер, как мы уже говорили, бездетный князь Переяславский Иван Димитриевич, внук Александра Невского, отказав свою отчину любимому дяде Даниилу Московскому, который выгнал оттуда наместников брата своего Андрея и посадил там своих¹⁵⁷. В следующем, 1303 г. Даниил умер. Юрий в это время находился в Переяславле. В летописи замечено, что по смерти Даниила «переславци яшася за сына его за князя за Юрья, и не пустиша его и на погребение отче»¹⁵⁸, опасаясь, конечно, как бы Андрей не занял Переяславля. Андрей Александрович отправился в Орду, а Юрий Данилович между тем вместе с братьями успел взять Можайск, пленил и привел в Москву тамошнего князя, Святослава Глебовича, племянника Феодора Черного. Андрей возвратился из Орды с ханскими послами. Осенью 1303 г. князья съехались в Переяславле и здесь читали в присутствии митрополита Максима ханские ярлыки, приглашавшие князей к прекращению распрей. Андрей Александрович, Михаил Ярославич Тверской и Даниловичи, за исключением Юрия, возобновили мирный договор; Юрий же, несмотря на ханские ярлыки, удержал Переяславль за собой. После этого съезда Андрей отправился в Городец, где и

скончался в следующем, 1304 г.¹⁵⁹

Со смертью Андрея Александровича начинается ожесточенная борьба между Москвой и Тверью: претендентами на великокняжеский стол являются дядя и племянник, Михаил Тверской и Юрий Московский, из которых первый, как старший в роде, имел, по-видимому, неоспоримые права на великокняжеский сан, и никто из лиц, заинтересованных в занятии великокняжеского стола тем или другим князем, не сомневался в том, что хан утвердит великое княжение за Михаилом. Так, бояре Андрея Городецкого, по смерти последнего, отъезжают в Тверь, конечно, в уверенности, что Михаил будет великим князем Владимирским; новгородцы также признали Михаила на известных условиях своим князем. Михаил в том же 1304 г. отправился в Орду; вслед за ним отправился туда и Юрий. Подобные поездки князей большей частью оканчивались приходом на Русь татар с их обычными спутниками – грабежом, пожарами и избиением жителей. Того же ожидали мирные жители и теперь. И вот «бысть замаятия на всей Суздалстей земле во всех градах...». В Москве Юрий оставил брата Ивана, а другого, Бориса, послал в Кострому. Проезжая чрез Владимир, Юрий виделся с митрополитом Максимом, который убеждал его не ездить в Орду и именем великой княгини Ксении, матери Михаила Ярославича, ручался в том, что тверской князь даст ему из отчины то, чего он пожелает. Юрий, оставаясь в душе при своем желании – добиться ярлыка на великое княжение, уве-

рил митрополита, что едет в Орду не за великокняжеским ярлыком, а только по своим делам¹⁶⁰

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.